

ДЖОН ДОНОХЬЮ

ДЖОАННА МАЛЛОЙ

За ПШВМ!

18+

Крупнейший пивной забег в истории,
воспоминания о дружбе и войне

**Джон Донохью
Джоанна Моллой
За пивом! Крупнейший
пивной забег в истории,
воспоминания о дружбе и войне
Серия «КИНО!!»**

*indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69611293
ISBN 978-5-17-147873-5*

Аннотация

1967 год, Нью-Йорк, разгар Вьетнамской войны. Однажды вечером двадцатилетний Джон Донохью, по прозвищу Чик, ветеран морской пехоты и завсегдатай питейных заведений, в очередной раз заглядывает в бар, чтобы выпить с друзьями. Приятели обсуждают потерю своих товарищей, вспоминают пропавших без вести и сокрушаются по поводу антивоенных протестов. В ходе разговора Чик узнает, что среди пропавших его друг Томми. Кому-то из компании приходит в голову совершенно безумная идея: поехать во Вьетнам, разыскать там своих друзей и передать им по банке настоящего американского пива! На следующее утро, вдохновленный этой задумкой, Чик Донохью с

сумкой, набитой банками пенного, садится на корабль до Куинёна и отправляется в опасное приключение, которое навсегда изменит его жизнь.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	48
Глава 7	60
Глава 8	65
Глава 9	72
Глава 10	82
Глава 11	86
Глава 12	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

**Джон Донохью,
Джоанна Моллой
За пивом!**

***Крупнейший пивной забег
в истории, воспоминания
о дружбе и войне***

Настоящее издание печатается с разрешения
Folio Literary Management, LLC.

Дизайн обложки Дмитрия Агапонова

Перевод с английского Виктории Зариновой

© 2015 by John Donohue and J. T. Molloy

© В. М. Заринова, перевод с английского, 2023

© Издательство АСТ, 2023

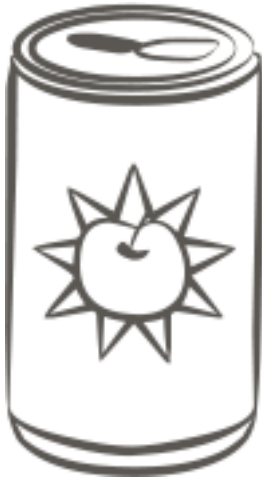
* * *

*Посвящается
Терри Донохью, Джорджу Раши*

и Имону Рашиу

Глава 1

Вечер в пабе и затея Полковника

Как-то в ноябре 1967 года мы коротали студенческий вечер «У Дока Фиддлера». В излюбленном нашем пабе в Инвуде, на Манхэттене, на Шерман-авеню, 264, что на перекрестке с Ишам-стрит. За стойкой там трудился Джордж Линч, хотя все мы величали его Полковником. Почетное прозвище, ведь в армии он дослужился лишь до рядового первого класса. Зато, что касается патриотизма и военной истории, – тут он был большим энтузиастом.

В свое время Полковник реквизирует пустырь на углу и водрузил там здоровенный флагшток – вроде тех, что можно увидеть в Центральном парке или перед каким-нибудь правительственным зданием. Он, кстати, все еще там. Каждое утро Полковник торжественно поднимал звездно-полосатый флаг и спускал его на закате. А на День поминовения¹ и День независимости² устраивал шествия по Шерман-авеню и выжимал все свои связи, чтобы придать парадам необходимую внушительность. Он уломал Билла Ленахена, командира резерва Корпуса морской пехоты в форте Шайлер (сейчас в этой старой крепости прошлого века на Трогс-Нек³ устроились музей и Морской колледж Университета штата Нью-Йорк), на полном серьезе командировать для участия в маршах морских пехотинцев. Теперь же, когда шла война во Вьетнаме и множество наших мальчишек тянули там солдатскую лямку, эти его усилия стали еще более упорными.

Это именно по просьбе Полковника Финбар Дивайн, башнеподобный мужик, который жил выше по улице и был там-бурмажором оркестра волынщиков и барабанщиков Изу-

¹ День поминовения (Memorial Day) – национальный день памяти в США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая. Посвящен памяти военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых штаты когда-либо принимали участие. – *Прим. пер.*

² День независимости отмечается в Соединенных Штатах Америки 4 июля, в этот день в 1776 г. была подписана Декларация независимости от Великобритании. – *Прим. пер.*

³ Полуостров в юго-восточной части Бронкса, Нью-Йорк. – *Прим. пер.*

мрудного союза Департамента полиции Нью-Йорка⁴, шествовал в меховой гусарской шапке с перьями во главе парадного клина музыкантов в килтах, подбрасывая и вонзая в небо тамбуршток. Отец Кевин, брат Финбара и настоятель в приходе Доброго Пастыря, собирал священников, монахинь и детей из католической школы. А третий из братьев Дивайн служил аж в Федеральном бюро расследований, однако Полковник и его каким-то образом убедил сколотить отряд из агентов ФБР, которые маршировали вместе со всеми, забыв о всякой секретности. Полковник был восхитителен в своей одержимости.

Парней, вернувшихся с войны, он приветал по-королевски. «У Дока Фиддлера» за выпивку с них не брали ни цента. А в доме за углом, что мы прозвали «казармами», он соорудил в своей комнате двухъярусную кровать из списанных армейских излишков: на одной койке спал сам, а другую держал для любого солдата, который нуждался в ночлеге по дороге домой.

За своей стойкой в пабе он был царь и бог. Он слушал вас и посмеивался. И сам мог рассказать какую-нибудь байку, не хуже вашего ирландского дедушки, – на дюжину разных голосов, ни разу не сбившись, и вдобавок с такой концовкой,

⁴ NYPD Pipes and Drums – один из этнических оркестров Департамента полиции Нью-Йорка, представлен членами Изумрудного союза, организации американцев ирландского происхождения, ветеранов и действующих сотрудников правоохранительных органов, пожарной охраны и других государственных и местных учреждений. – *Прим. пер.*

что можно со смеху помереть. Но если надо, он вспоминал о суровости и тех, кто в его вахту распоясывался и вел себя по-свински, быстренько вышвыривали за борт.

Последние новостные сводки о Вьетнаме ужасно огорчали Полковника. Антивоенные поначалу протесты становились все больше... как бы это сказать... антисолдатскими, что ли. Их мишенью был уже не только и не столько президент Линдон Б. Джонсон, который лишь обострил конфликт, доставшийся ему в наследство от Кеннеди, и увеличил наши войска с 16 тысяч до полумиллиона. И даже не генерал Уильям Уэстморленд, командующий вооруженными силами США во Вьетнаме и просивший задействовать еще больше солдат. Протестующие нацелились теперь на самих призывников. И на ветеранов, вернувшихся домой из ада, который они не могли описать словами. Нам говорили, что, когда наши инвудские мальчишки приходили в призывной пункт на Уайтхолл-стрит – а многие были еще столь зелены, что их провожали отцы или старшие братья, – их там встречали пикетчики с плакатами «Солдаты Армии США – убийцы!».

Все это как раз показывали в новостях, на телевизионном экране над барной стойкой, и Полковник не скрывал своего отвращения.

– Вы хоть представляете себе, как это деморализует? Они там выполняют свой долг! – рычал он. – Мы просто обязаны что-то для них сделать!

– Верно! – заорали все.

– Показать, что мы их поддерживаем!

– Твоя правда! – грянули голоса еще громче.

– Кому-то надо смотаться в ‘Нам⁵, отыскать там наших соседских парней и выставить каждому по пиву!

– Точняк! Погоди-ка... Что?!

– Вы меня слышали! Доставим-ка им отличное пиво и новости из дома. Э-э... приободрим наших, так-то! Пусть они знают, что мы рядом – на каждом шагу!

Полковник скрестил руки на стойке и пристально посмотрел мне в глаза.

– Вот что, Чики, – сказал он, – не одолжишь свою моряцкую карточку?

Это прозвучало скорее как приказ, чем как просьба.

Я тогда служил в торговом флоте и ходил на танкерах и других гражданских судах. Поступил туда после четырех лет в Корпусе морской пехоты США, в начале шестидесятых.

И моряцкая карточка у меня была – называлась «удостоверение Z», нечто вроде военного билета. На ней красовалась фотография и годы службы. Такие выдавались береговой охраной США и заменяли собой паспорт. В моей вдобавок значилось, что я могу обращаться с боеприпасами, потому что у меня остался военный допуск.

– И зачем это она тебе понадобилась? – спросил я.

– Попроberусь на один из тех кораблей, что таскаются во Вьетнам, – ответил он, – и приволоку выпивку нашим ребя-

⁵ То есть во Вьетнам. – *Прим. пер.*

там.

Во время войны гражданские не могли вот так запросто слетать из Штатов во Вьетнам без армейского пропуска. Не то чтобы кто-нибудь вообще мечтал провести весенний отпуск в живописных окрестностях Дананга⁶, но все же...

Однако Полковник никак не мог «одолжить» мою моряцкую карточку, чтобы уплыть в зону боевых действий. Во-первых, он знать ничего не знал о нашем моряцком деле. А во-вторых, спутать нас было бы трудно. Возьмите лет десять разницы в возрасте да прибавьте мою рыжую шевелюру – нечего и думать. Кроме того, сама идея была диковатой, разве нет?

Я уставился на него, пытаюсь понять, серьезно ли он говорит.

Ей-богу, серьезней не бывает.

К концу 1967 года Инвуд успел похоронить уже двадцать восемь ребят – чьих-то друзей и братьев. Всех забрал Вьетнам. И на похороны сходились люди со всей округи, знали они того мальчишку или нет. По меньшей мере половину призывали сразу после средней школы, лет в восемнадцать или даже семнадцать. В семнадцать еще требовалось разрешение от родителей, будто для школьной экскурсии – эдакой воскресной прогулки в девять тысяч миль, с которой они,

⁶ Пятый по численности город Вьетнама. Во время войны был местом сосредоточения сухопутных войск и особенно авиации США и Южного Вьетнама. Здесь находилась крупнейшая авиабаза, откуда совершались вертолетные атаки и стратегические бомбардировки позиций Вьетконга. – *Прим. пер.*

правда, могли никогда не вернуться. Среди парней, поступивших в колледж, многих призвали сразу после выпуска, а другие считались в резерве вплоть до двадцати шести.

В Инвуде как-то не было семейных врачей, стряпавших справки о нервном расстройстве или там плоскостопии. Не водилось и умников, играющих в бесконечные отсрочки по учебе, вроде будущего вице-президента Дика Чейни, который накопил аж четыре таких в колледже плюс еще одну – про запас. Да и до канадской границы от нас, прямо скажем, не сразу добежишь.

Взять Майка Морроу, нашего общего с Полковником друга. Майка накрыло минометным огнем в бою при деревушке Сом-Бо⁷. Ему едва исполнилось двадцать два, когда его рота и три других из 1-й пехотной дивизии угодили в засаду в так называемой зоне высадки Х-Ray, где им пришлось иметь дело с двумя тысячами бойцов Вьетконга⁸. Что ж, кровавый счет, как отрапортовало правительство: они потеряли 222 человека, мы – 39, а дома как раз стартовало «Лето люб-

⁷ Имеется в виду 17 июня 1967 года. Точное название деревни – Сом-Бо-2 (по номеру батальона, принявшего бой и потерявшего 39 человек убитыми и 150 ранеными), провинция Пху-Лонг, Южный Вьетнам, одно из самых кровопролитных локальных сражений Вьетнамской войны. – *Прим. пер.*

⁸ Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, известный также как Вьетконг (*англ.* Viet Cong, сокращение от *вьетн.* Việt Nam Cộng sản – «Вьетнамский коммунизм») – военно-политическая организация, ставившая целью вооруженное восстание в Южном Вьетнаме в 1960–1977 годах и являвшаяся одной из воюющих сторон во Вьетнамской войне. Не следует путать с регулярными войсками Северного Вьетнама. – *Прим. пер.*

ви»⁹. А с двадцатитрехлетним Джонни Кнофом мы расстались 1 ноября 1966-го. Его убили в День всех святых, когда его мать молилась за него в церкви.

Был еще Томми Миноуг, который ушел добровольцем в девятнадцать лет и один месяц, – чтобы героически погибнуть в марте 67-го, когда ему стукнуло двадцать. Эту смерть было особенно трудно принять. Каким бы там храбрецом Томми ни был, для нас он оставался добродушным ребенком. Парнем он рос крепким, но и в мыслях не держал позимываться над теми, кто слабее, – наоборот, вечно переживал, что кому-то рядом не хватает внимания. Чуть не силком тащил ребят, с которыми никто больше не водился, в уличные спортивные команды в Инвуд-Хилл-парке. Мы дружили с его старшим братом Джеком и тремя другими, так что он и сам был нам, считайте, за младшего. В те годы, когда в иных семьях насчитывалось по четверо, шестеро или даже по десять детей, младшие братья всегда вязались за старшими, а что до нас – так мы присматривали сразу за всеми.

Вот что за парнем он был. Как-то раз летом его папаша, Джон Миноуг по прозвищу С-Одного-Хука, спросил своего друга Дэнни Линча из бассейна Мирамар¹⁰, нет ли у того работы для Томми, чтобы мальчишка не шатался где попало

⁹ Неформальный хиппи-фестиваль в Сан-Франциско и некоторых других городах США, который состоялся летом 1967 года и собрал около ста тысяч участников. – *Прим. пер.*

¹⁰ Летний плавательный бассейн в Инвуде, открылся в 1920 году и просуществовал до начала 1980-х. – *Прим. пер.*

на каникулах. Как-никак десять долгих жарких недель без ежедневной школьной муштры. Линч извинился – вакансий у него не было, так что, уходя, мистер Миноуг выглядел озабоченным.

Линч окликнул его:

– Слушай-ка! Может, Томми будет просто приходить и помогать? А раз такое дело – пусть хотя бы купается бесплатно.

Мистер Миноуг пошел на это. И Томми тоже – и трудился, словно бобр на плотине, ни дня не бездельничал. Местный спасатель, Энди Розенцвейг, рассказывал, как однажды явился владелец бассейна и наткнулся на Томми, когда тот подметал, складывал полотенца и таскал шезлонги. Хозяин спросил:

– Ого! И сколько мы платим этому пацану?

На что Линч ответил:

– Вообще ничего.

– Ну так начинай платить, – скомандовал хозяин. – Сегодня же.

Так что даже боссы ценили в нем эту его добросовестность.

Томми распределился во второй батальон 35-го пехотного полка и стал там взводным медбратом. Вскоре их перебросили в провинцию Контум, что в Центральном нагорье, на границе с Лаосом, и спустя несколько дней после Дня святого Патрика его подразделение окружила тысяча севе-

ровьетнамских солдат, просочившихся через границу. В десять раз превосходя наших в численности, враг разметал их в течение каких-то минут. На поле боя остался командир роты, капитан Рональд Рыковски, уже тяжело раненный, и наш Томми пробежал сотню футов под градом пуль, сам заработав несколько, чтобы накрыть капитана собой. Забыв о собственных ранах, он позаботился сперва о командирских – и спас-таки тому жизнь. А следом и радисту, которого нашел рядом. Затем Томми подобрал у кого-то из павших пулемет и присоединился к тем, что остались в живых, чтобы дать отпор северовьетнамцам и прикрыть раненых. По приказу капитана радист вызвал поддержку с воздуха, но к тому времени, когда она прибыла, двадцать два человека были убиты и сорок семь тяжело ранены. Для самого же Томми все было кончено.

Трое его братьев, Джек, Дональд и Кевин, позже создали секцию имени Томаса Ф. Миноуга в Ирландском клубе, и теперь десятки людей встречаются там, чтобы почтить его память. Я до сих пор не понимаю, почему Томми не наградили медалью Почета¹¹, вручаемой президентом от имени Конгресса за исключительную доблесть.

Вот таких парней мы теряли. Они были так молоды! Восемнадцать лет, девятнадцать, редко больше двадцати... В

¹¹ Высшая воинская награда США, вручается с 1863 года. Однако Томас Фрэнсис Миноуг (1947–1967) был посмертно удостоен второй по старшинству военной награды, креста «За выдающиеся заслуги». – *Прим. пер.*

морской пехоте, куда я сам попал в свои семнадцать, меня сочли старым уже в двадцать шесть; они сослались именно на возраст как на причину, когда отказали мне в восстановлении в 1967-м.

В те времена люди не поддерживали войска так, как это принято сегодня. Страна не спешила благодарить их за то, что они делали: это была непопулярная война, и американцы каждый вечер наблюдали ее жестокость в телевизионных новостях. Но молодые солдаты исполняли свой долг. Я не утверждаю, что каждый парень был одержим желанием драться с вьетнамцами. Однако в нашей тесной общине и в то время, если страна звала вас бороться с тем, что наши лидеры называли «распространением коммунизма», вы просто шли, куда скажут. Вы не думали ни о чем другом, кроме долга. В Инвуде вы выросли под строки «Знамени, усыпанного звездами»¹², звучавшие в конце каждой воскресной мессы; вы причащались и пели *Agnus Dei*¹³, который сливался с национальным гимном в своего рода попури. Ваш патриотизм был тесно сплетен с вашей верой, словно и то и другое выкроено из одной священной ткани.

Ребята же, которые служить не хотели, разъезжались сами. И я поступил бы точно так же, разделяя я с ними их взгляды. Зачем наживать врагов среди людей, с которыми ты вырос, из-за споров вокруг президента Джонсона, генерала

¹² The Star-Spangled Banner – государственный гимн США. – *Прим. пер.*

¹³ «Агнец божий» (лат.) – католический гимн. – *Прим. пер.*

Уэстморленда или министра обороны Роберта Макнамары? Если на то пошло, врагами-то были они, а не соседи по кварталу. Вот почему у нас, в Инвуде, не случилось протестов.

С другой стороны, ну набреду я на митингующих в Центральном парке, ну даже поору на них в ответ вместе с прочими – что это даст? Ровно ничего. А делать что-то было нужно. Сам прослужив в морской пехоте, я отлично понимал, что парням во Вьетнаме будет чертовски обидно узнавать обо всех этих распрях от зеленых новобранцев или из писем от домашних.

Для нас люди, марширующие здесь с красно-желтым флагом Северного Вьетнама, пока другие ребята там умирали, были предателями. Как бы мы ни относились к войне, такие выходы мы считали неправильными. Нам еще только предстояло встретить среди протестующих собственных братьев и сестер, а затем и вернувшихся с фронта ветеранов. Но сегодня, вместо того чтобы идти куда-то и лаяться там с демонстрантами, Полковник намеревался открыть личное контрнаступление и десантироваться прямиком во Вьетнам, чтобы снабдить наших парней на передовой позитивным домашним настроением.

– Поддержим их! – заорал он в который раз.

Я, в общем, чувствовал то же самое, хотя путешествовать для этого за океан казалось мне слегка экстремальным. Я, понятно, не мог «одолжить» Полковнику свою моряцкую карточку. С другой стороны, я и сам уже какое-то время «за-

горал». Дел у меня особо не было, я просто тусовался и дул пиво с приятелями, в то время как наши друзья там умирали, или были ранены, или находились в опасности.

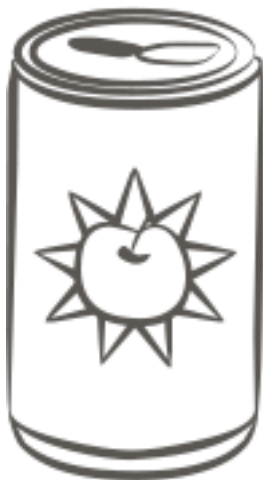
Я подумал, что у меня есть документы, чтобы пробраться во Вьетнам как гражданское лицо. И времени в достатке. Глядишь, я и сам могу сделать это. Нет, сказал я себе, я обязан сделать это – вот что! Пусть какая-нибудь шишка в погонах и завернет меня обратно, но я должен хотя бы попытаться. Я просто должен – и все.

– Черт с тобой, Джордж, – сказал я. – Волоки сюда список парней и номера их частей. В другой раз, как буду там, я поставлю каждому по пиву!

Это было, прямо скажем, легкомысленно, но именно так все и началось.

Глава 2

Список

Когда я на следующий день явился в паб, то обнаружил, что новости уже расползлись. Люди, стар и млад, потянулись к нам с письмами и адресами полевой почты частей, где служили их сыновья и братья. Когда вам нужно было послать весточку солдату во Вьетнам, вы указывали только номер части, а Тихоокеанский почтовый офис в Сан-Франциско делал все остальное – армия, флот, ВВС или морпехи находили адресата сами. Никто не хотел подбросить врагу шпар-

галку, вывалились вдруг мешок с письмами где-нибудь по пути из вертолета. Но люди все равно называли мне диковинные места, где я должен был отыскать их мальчиков: Пхук Лонг, Биньдінь, Плейку, Лам Донг. В ошеломлении я записывал их все и распахивал драгоценные листки по карманам.

Среди всего этого гама я увидел миссис Коллинз, замявшуюся в дверях. С ней был ее сын, Билли-Хохотун. Раз начав смеяться, он уже не мог остановиться, даже если рядом торчала какая-нибудь монахиня или коп с сердитым взглядом, – отсюда и прозвище. Единственными людьми, которые называли его Уильямом или Билли, были его родители и замещающие учителя. Мы с Хохотуном крепко дружили еще со школы, так что я отлично знал миссис Коллинз, как и то, что она раньше и ногой не ступала в этот паб.

Однако сейчас ее младший, Томас, был во Вьетнаме. Она отыскала меня взглядом, подошла и сказала со своим переливчатым провинциальным акцентом:

– Билли говорит, ты собираешься навестить моего Томми! Благослови тебя Бог, Чики! Скажи Томми, как сильно я по нему скучаю. И еще скажи, что я молюсь за него каждый божий день.

Она обняла меня и постаралась вручить сотню долларов мелкими купюрами – чтобы отдать сыну, или купить ему на них выпивку, или просто потратить на всякую дорожную всячину. Но я знал, что в ту же секунду, как я возьму эти деньги, обратного пути не будет. В холодном трезвом свете

дня я впервые серьезно задумался, на что, черт возьми, подписался прошлой ночью. И отказался от ее сотни. Это связало бы меня серьезными обязательствами, а я все же не хотел быть убитым в поисках Томми Коллинза во Вьетнаме.

– Миссис Коллинз, – ответил я, – просто дайте мне номер его части, и я его найду. А когда найду, то скажу, как сильно вы его любите.

– Миссис Коллинз! – взревел Полковник. – Чики об этом позаботится! Уж он-то все сделает! Выпьем за Чики!

– За Чики! – подхватила толпа, в которой я, однако, приметил пару-тройку скептических взглядов.

Полковник плеснул мне еще пива, и вот я пил, составляя список, во главе которого поставил Томми Коллинза, а разный люд пододвигался ко мне с рассказами о том, кто и где служит. Старина Макфадден дал армейские координаты своего брата Джоуи. Брат Рича Рейнольдса, второго лейтенанта морской пехоты, сообщил его последнее известное местонахождение. А Эд О'Хэллоран знал, где искать Кевина Маклуна. Мы с Кевином, помню, брали напрокат «Виннебаго»¹⁴ и с парой других парней отправлялись из бара «Чамберз» в Инвуде на футбольные матчи «Нью-Йорк Джайентс»¹⁵ – на их домашний стадион, который они тогда делили с «Янкиз»¹⁶,

¹⁴ Марка автофургонов и автодомов. – *Прим. пер.*

¹⁵ Профессиональный футбольный клуб в Нью-Йорке (имеется в виду американский футбол). – *Прим. пер.*

¹⁶ «Нью-Йорк Янкиз» – профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся

а иногда и вовсе за сотни миль. Кевин уже отслужил один срок в морской пехоте во Вьетнаме и вернулся туда опять – гражданским консультантом, – помогая оснащать вертолеты новыми средствами радиоэлектронной защиты или чем-то в таком роде.

– Рик Дагган! Найди Рика! – крикнул кто-то. – Его побросало по фронтам!

Никто точно не знал, на какой линии фронта в данный момент находился Рик, так что я решил спросить у его родителей. Рик вырос в том же здании, что и я, в конце Симэн-авеню. Его старик был единственным республиканцем по соседству, а моя тетка верховодила в демократическом клубе, и оба вечно шутили по этому поводу. Я отлично знал Рика. Как и Томми, он принадлежал к той бесшабашной малышне, которая таскалась за нами, когда мы ныряли с высоких утесов Спьютен Дуйвил¹⁷ в мутные гудзонские воды или просто кутили где попало. Рик служил в 1-й воздушной кавалерийской дивизии с девятнадцати лет. Я собирался навестить его родителей на следующий день и спросить, где его искать. Я слышал, его бабка как-то раз уже отправляла ему бутылку

в Бронксе. Здесь имеется в виду старый «Янкиз Стадиум», многофункциональный стадион (1923–1973 гг.), который в т. ч. был домашним и для «Нью-Йорк Джайентс». – *Прим. пер.*

¹⁷ Жилой район в Бронксе, ограниченный рекой Гудзон и проливом Гарлем. Также одноименный ручей или, скорее, приливное устье, эстуарий, включенный в судоходный канал. В переводе с голландского означает «Вертящийся Черт» («Чертов водоворот») и назван так из-за сильных приливных и отливных течений. – *Прим. пер.*

виски, спрятанную, чтоб не разбилась, в буханку «Волшебного хлеба»¹⁸.

Разумеется, я хотел найти и своего хорошего приятеля Бобби Паппаса, с которым мы провернули пару не совсем законных делишек. Его отец работает барменом в конце квартала – у него и справлюсь, нет ли каких-нибудь зацепок. Бобби было уже около двадцати пяти, он был женат и даже ребенком успел обзавестись. И он уже отслужил свое в Инженерном корпусе Армии США, но его все равно призвали, потому что Линдон Джонсон отменил мандат Кеннеди, по которому женатые отцы были освобождены от службы. Я считал это несправедливым.

Я сделал последний глоток и направился к двери. Денег за выпивку Полковник с меня не взял и закричал:

– Боже, благослови Чики! И благослови Америку!

А некоторые парни голосили вслед:

– Точно!

Или:

– Вперед, Чики!

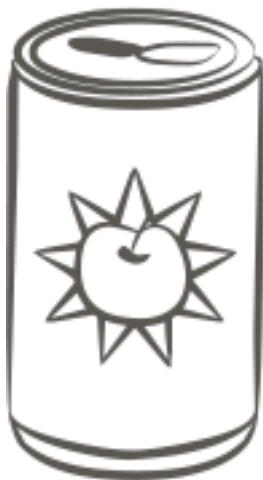
Как будто Полковник отдал мне приказ и я отправлялся на задание.

Была только одна проблема. Я все еще сомневался, что смогу это сделать.

¹⁸ Wonder Bread – торговая марка хлеба. – *Прим. пер.*

Глава 3

Поднять паруса!

На следующий день я отправился во дворец Национального морского профсоюза на углу Седьмой и Тринадцатой. Эту могучую организацию основал в 1936 году бесстрашный боцман по имени Джозеф Большой Джо Карран. Министр торговли при президенте Франклине Рузвельте обвинил его в мятеже, после того как тот сагитировал моряков с океанского лайнера «Калифорния» не отдавать швартовы, пока месячное жалованье не будет повышено на 5 долларов.

Забастовка тогда прокатилась по всему Восточному побережью, и Карран стал президентом профсоюза. Но Большой Джо добился не только 40-часовой рабочей недели и льгот. Чтобы покончить с коррупцией при заполнении вакансий и сохранить рабочую спайку, он создал для нас открытую биржу труда. НМП (теперь он называется Международный союз моряков Северной Америки) сослужил очень добрую службу и мне, и многим другим морякам.

Профсоюз выстроил три современных здания в районе Челси на северо-западе Нижнего Манхэттена, в том числе похожую на корабль штаб-квартиру, в которой я сейчас находился, и Дом моряка с сотней гигантских окон-иллюминаторов, бассейном, тренажерными залами и аудиториями. Теперь это Морской отель.

В шестидесятых Нью-Йорк все еще оставался процветающим морским портом. В зале для найма была доска с указанием, какие корабли находятся в порту и какие на них открыты вакансии: кочегар, моторист, боцман, матрос, смазчик и так далее. Если вы обретались на берегу и были готовы вернуться в море, вы спускались в биржевой зал и садились там с другими моряками, а портовый профсоюзный делегат выкрикивал названия кораблей и пункты их назначения. К примеру:

– «Манхэттен»! В Залив!

Это один из нефтеналивных танкеров, что принадлежали греческому судоходному магнату Ставросу Ниархосу. Он

возвращался в Персидский залив за черным золотом.

Или так:

– «Аламеда»! Каботаж!

«Аламеда» была торговцем, обходившим порты по всему Восточному побережью США. Других подробностей там не сообщали. В те дни газеты печатали, какие корабли стоят в порту. Скажем, если бы прозвучало что-нибудь вроде «Линии Мура и Мак-Кормака!» (или попросту «Мурмак», как мы их называли) – это значило, что судно, отвалив от пирса на Двадцать третьей улице в Бруклине, с высокой вероятностью направлялось в Южную Америку.

Выбрав этот маршрут, вы могли уйти в плавание в тот же день и не появляться тут месяца четыре. Это большой кусок суши со множеством портов. Перед тем как идти дальше, может потребоваться неделя, чтобы разгрузиться и заправить четыре или пять танков с горючим. Вот почему вы всегда будете знать, когда судно уходит, но не когда оно возвращается. В Штатах корабль забирает один груз в Бруклине, останавливается в Филадельфии, чтобы добавить другой, а затем направляется в Балтимор, Норфолк, Чарльстон, Саванну. После этого он сходит за границу и будет еще разгружаться и загружаться вдоль восточного побережья Южной Америки, пока не вернется обратно в старые добрые США, где вы и получите расчет наличными.

Внезапно я услышал слово «Виктори», выпрямился и наострил уши.

– «Дрейк Виктори!» – повторил чей-то голос.

Я сразу решил, что это судно, скорее всего, идет во Вьетнам. Крупные и быстроходные грузовые транспорты типа «Виктори»¹⁹ служили еще во Вторую мировую, затем числились в резерве и на консервации, а теперь были приведены в порядок, хорошенько смазаны и возвращены в строй во Вьетнаме, перевозя все, от танков до речных барж. Я вскочил.

– На пирсе! – добавили они.

Это значило, что корабль вот-вот должен отчалить. Я зашагал в глубину зала. На «Дрейк Виктори» не хватало одного моториста, но у судна был плотный график, и оно собиралось уйти с неполным экипажем. А я как раз владел нужной квалификацией – смазчика из той «чумазой банды», что трудится в машинном отделении под палубой, – поэтому тут же и швырнул свою карточку в общую кучу. У меня был стаж, я дольше всех прошлялся на берегу – так что они взяли меня как миленькие. И велели топать с биржи прямиком на борт. Никаких тебе долгих задушевных прощаний.

У меня не оставалось времени даже заскочить домой. На всякий случай я захватил с собой спортивную сумку, поэто-

¹⁹ «Виктори» (*англ.* Victory – «Победа») – новый класс транспортных судов, которые были введены США в строй в 1944–1946 гг. для обеспечения стратегических военных перевозок взамен устаревавшего типа «Либерти» (*англ.* Liberty – «Свобода»). Благодаря своей конструкции они могли развивать скорость до 17 узлов и таким образом идти в составе военной эскадры, не тормозя ее маневров. – *Прим. пер.*

му помчался на Четырнадцатую улицу, купил там бритву, носки – лишь самое необходимое, – бросил их в сумку и поспешил в центр города к автовокзалу администрации порта, чтобы успеть на автобус. «Дрейк Виктори» был пришвартован в нескольких милях к югу от Статен-Айленда, в Леонардо, штат Нью-Джерси, где пирс длиной в милю вонзался в залив Раритан тремя причальными дамбами.

Едва я прибыл, как издалека увидел свою красавицу – все 455 футов корпуса роскошно сверкали на солнце. Я наполнился гордостью, глядя на этот корабль. Всего за двадцать один месяц во время Второй мировой американцы построили на шести верфях 531 транспортник такого типа. С их заостренным носом с наклонным форштевнем и круглой ложкообразной кормой, а также мощными паровыми турбинами, которые дали им втрое больше лошадиных сил, чем у устаревшей «Либерти», быстроходные «Виктори» имели куда больше шансов оставить с носом немецкие подлодки. То было жестокое состязание, и мы потеряли в нем 2825 транспортов, включая 138 кораблей предыдущей модели.

Рядом с причалом был бар. Я на всех парах влетел туда и потребовал целый ящик пива, а когда сообщил бармену, куда это пиво везу, тот сделал мне хорошую скидку. Я попросил у него Pabst Blue Ribbon, Schaefer, Schlitz, Pils, Ballantine и Rheingold – короче говоря, все нью-йоркские марки. По-моему, со времен Гражданской войны американский солдат никогда не оказывался так далеко от лю-

бимого пива. Дважды смотавшись во Вьетнам, я был убежден, что смогу пополнить свои запасы на месте чем-то хорошо известным, вроде «Будвайзера» или «Миллера», однако мне, понятное дело, хотелось привезти ребятам что-нибудь из родных краев. И я уж точно не собирался проделывать весь этот путь, чтобы купить им местное сайгонское пойло. Сейчас-то пиво там варят приличное, но во время войны одна бутылка могла пахнуть уксусом, другая – формальдегидом, а третья – смердеть не хуже гарлемской водички. Везло обычно эдак раз на четвертый, так что приходилось заказывать целую батарею.

Какой-то докер увидел, как я несусь с ящиком, и предложил подбросить меня на своем погрузчике. Тут я заметил на причале телефон-автомат.

– Выручил, приятель! Не возражаешь, если я быстренько позвоню?

Он сказал:

– Валяй. – И остановился подождать.

Я опустил в щель десятицентовик и набрал номер родителей в Нью-Джерси, куда они переехали из Инвуда, чтобы быть поближе к двум отцовским работам. Они ведь понятия не имели, что я ухожу в море. Потянулось четыре гудка, и я уже успел испугаться, что никого не застану, когда услышал мамин голос:

– Алло!

– Ма, привет, это я, Чики!

– Чики! С тобой все в порядке?

– Да, мам! Все отлично, но я сейчас снова в рейс. Просто звоню сказать «Пока!».

– Куда это ты собрался?

– Хм-м... в Азию. Знаешь, мам, я тут пойду на расчудесной старой «Виктори» времен Второй мировой, как в те деньки, когда служил морпехом. Скажи папе – ему это понравится. Ее зафрахтовал ВМФ.

– И чего бы тебе не подождать до Дня благодарения, Чики? Я тут делаю грибной фарш.

– Это мой любимый? Ну так отложи немного в холодильник, ма! Я съем, когда вернусь, с индюшачьей ножкой. А сейчас не могу, море зовет.

– Ну, будь осторожен, Чики. Не делай там глупостей и почаще отправляй нам открытки.

– Хорошо, мам! И ты себя береги! Я буду дома быстрее, чем ты успеешь сказать *Go raibh an ghaoth go brách ag do chúl!*

На старом добром гэльском это значит «Попутного тебе ветра!». Мама рассмеялась, и у меня потеплело на сердце.

Я так и не решился сказать, куда именно отплываю. Бывало, я и раньше звонил ей с пирса в последнюю минуту, но сейчас все было как-то по-другому – впервые я боялся по-настоящему. Прежде, заходя во Вьетнам, я, как и все моряки, не совался дальше портового района. А на этот раз придется. И я не знал, с чем там встречу. Это чувство длилось две-три минуты, но это был тот единственный раз, когда я

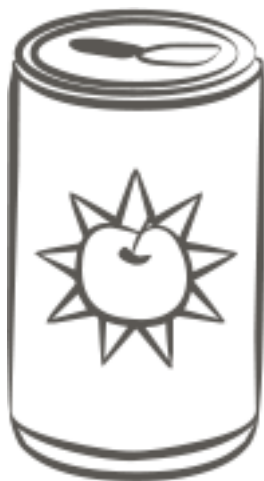
подумал, что могу не увидеть родителей снова. Да, мне было страшно. Но я знал, что должен попробовать.

Я запрыгнул в погрузчик, и мы рванули с места. «Дрейк Виктори» уже почти отчаливала – я взлетел на палубу в последний момент. Взревел гудок, и мы вышли в море, держа курс на юг, к Панамскому каналу.

Ну, подумалось мне, вот я и в пути. И если даже у меня ничего не выйдет, то никто хотя бы не скажет, что я не пытался.

Глава 4

Путешествие во Вьетнам

Транспорты с боеприпасами не похожи на круизные лайнеры. Они не останавливаются в Майами или Канкуне²⁰. Далеко в океане, за границами территориальных вод, они идут параллельно берегу, держась вдали от оживленных городских гаваней. Вы ведь не захотите швартовать корабль, на-

²⁰ Канкун – мексиканский город на полуострове Юкатан, славится своими пляжами, многочисленными гостиничными комплексами и ночными заведениями. – *Прим. пер.*

битый бомбами, в большом порту: пусть уж взрывается где-нибудь в море – там катастрофа, по крайней мере, не омрачится ненужными жертвами на суше или соседних судах. Мы покинули Штаты, прошли примерно двадцать пять морских миль и взяли курс на юг.

Максимальная скорость транспорта – около семнадцати узлов при хорошем волнении, мы же делали тринадцать (на суше это примерно пятнадцать миль в час). Нам потребовалось пять дней, чтобы добраться до порта Колон на атлантическом конце Панамского канала. Здесь «Дрейк Виктори» наняла лоцмана, который провел нас по сорокавосемимильному искусственному водному пути до Бальбоа на тихоокеанском побережье, где мы взяли топливо. Со своими габаритами и водоизмещением наша «Виктори» едва ли могла претендовать на стандарты «Панамакс»²¹, она была раза в два меньше, и мы с восторгом наблюдали, как она, будто лезвие, проходит сквозь шлюзы шириной 110 футов. Прошло больше суток, и капитан отпустил нас на берег.

Некоторые из нас сели на поезд, раскрашенный в популярские цвета, который идет параллельно каналу через перешеек в сторону Бальбоа. Именно эти холмы пересек, оставив за спиной Испанский Мэйн, знаменитый пират сэр Фрэнсис Дрейк – чтобы вскарабкаться на дерево на вершине и стать

²¹ Стандарт типоразмера контейнеровозов, а также танкеров и других судов, которые обладают максимальными габаритами, позволяющими пройти через старые исторические шлюзы Панамского канала. – *Прим. пер.*

первым англичанином, увидевшим Тихий океан. Полагаю, в его честь и назвали «Дрейк Виктори». Вскоре он принялся грабить испанские корабли, груженные их собственной добычей: тоннами золотых и серебряных слитков. От Дрейка же пошло и капитанское самодержавие на корабле: однажды невзлюбив своего второго помощника, аристократа, имевшего к тому же связи при дворе Елизаветы Английской, он попросту обвинил того в колдовстве и обезглавил. Вот почему я не люблю морских капитанов: чересчур уж много у них власти.

Позже мне и самому довелось поработать землекопом, но даже в те дни я был поражен тем, чего добились рабочие Панамского канала, орудуя лишь лопатами, динамитом да несколькими паровыми экскаваторами начала XX века. Им пришлось прорубиться сквозь скалистую гору на Континентальном водоразделе и построить дамбу, чтобы отвести озеро. Я где-то читал, что они выкопали в двадцать пять раз больше, чем восемьдесят лет спустя другие проходчики, роя тоннель под Ла-Маншем, соединивший берега Франции и Англии.

Морской профсоюз требовал, чтобы нам, сходящим на берег, выдавали на руки не менее половины жалования. Экономика США была тогда на пике, так что доллары пользовались в Панаме большой популярностью, и мы провели в Бальбоа отличную ночь. Я веселился так, словно вышел в плавание в последний раз, и, положив руку на сердце, не мог

прогнать чувство, что так оно и есть. Меня утешало лишь то, что я не был женат и не завел детей. Все же мысли о смерти меньше грызут, когда ты молод и ни к кому толком не привязан.

Затем мы вернулись на борт, чтобы продолжить месячный поход через Тихий океан. Большую часть пути мы шли вдоль экватора, хотя это и отняло лишнее время. Но с нашим грузом боеприпасов мы должны были держаться подальше от судоходных путей, и за все эти дни мы не повстречали ни корабля, ни самолета, ни даже острова.

Как я и говорил, нашу «Виктори» лишь недавно отряхнули от нафталина, так что полной команды на ней не было, считай, со времен Второй мировой. Но на борту оказались несколько мужиков, служивших еще в сороковые: их вызвали из отставки, чтобы показать нам, молодым, как обращаться с этими красавицами. Кое-кто из них потерял друзей, пережив торпедную атаку немецких субмарин и спасшись на плотках и шлюпках, – чаще у берегов Европы или Азии, но, случалось, даже и США. Подводные лодки отправили на дно 175 коммерческих транспортов из морских портов Вирджинии, Флориды, Луизианы, Северной Каролины и других штатов Западного побережья – эти корабли фрахтовались, чтобы снабжать фронт продовольствием, техникой и боеприпасами. И оказалось, что у моряков торгового флота в ту войну процент живых потерь был даже выше, чем у военных, – 9521 душа, если верить морскому историку-энтузиасту Тони

Городски. Но никакого официального признания это тогда не получило, так что торговым морякам пришлось судиться, чтобы спустя 40 лет, уже в 1988-м, вырвать наконец из Администрации по делам ветеранов полагающиеся им льготы за участие в войне.

Корабль наш был стопроцентно мужским мирком, все просто, никаких тебе политесов. Поэтому с первого же профсоюзного собрания ребята решили расставить все точки над *i* и, кстати, избрали меня председателем. Это было легко: никто больше не хотел заполнять бланки. С годами я понял, что капитаны стараются не связываться с профсоюзными делегатами – боятся жалоб, исков и прочих каверз, тянущих за собой бюрократические тяжбы. Я решил, что это поможет мне улизнуть с корабля, когда мы доберемся до Вьетнама, чтобы спокойно заняться тем, чем собирался.

Как новоиспеченный корабельный профсоюзный босс, я сразу заявил, что так называемая «чумазая банда» содержит в порядке машинное отделение и его окрестности, а о чистоте офицерских кают, матросского полубака и главной палубы пусть заботятся стюарды.

Но у нас в команде были ребята, которые в одиночку занимали четырехкочные кубрики, потому как во время Второй мировой «Виктори» брала на борт по семьдесят человек, а нынче нас было всего-то двадцать три. Понятно, что такое разделение труда не понравилось корабельному коку, который и командовал стюардами. Это был крупный парень,

ростом примерно шесть футов четыре дюйма, с поварским колпаком на курчавой шевелюре.

– С чего это мои парни должны убирать за стаей палубных обезьян?!

С этим вопросом мы разобрались, но все равно во время плавания между нами нет-нет да и пробежала черная кошка из-за того, кому шкурить, кому красить, а кому заниматься другой подобной работой.

Затем, одним погожим утром, когда мы были примерно в тысяче миль от берега, те из нас, кто не занимался двигателями, высыпали на палубу, чтобы полюбоваться восхитительно голубым небом. Там не было ни самолета – и ни корабля на горизонте. Мы шли в одиночестве посреди Тихого океана, как вдруг из одного из носовых люков повалил дым. Люк этот был прямоугольной деревянной рамой размером с автомобиль, закрытой брезентом, чтобы дождь и морская вода не лились под палубу, – и теперь он горел.

– Огонь! – крикнул кто-то.

Вопрос: что горит? Это мог тлеть сам брезент, а может, дым рвался откуда-то изнутри. Мы сгрудились на палубе корабля, набитого десятью тысячами тонн боеприпасов. Если огонь перекинется на трюм, нас разнесет в пух и прах. Капитан, главный механик, боцман и палубная команда со всех ног бросились к огню, чтобы тушить его вместе. Никто уже не спрашивал, его ли это обязанность. Нужно было бороться с пламенем здесь и сейчас, что мы и сделали. И потом, весь

остаток пути, тоже помогали друг другу.

Целыми днями я возился с паровым двигателем Ленца²² мощностью 8500 лошадиных сил, смазывая его огромное колесо и прочую машинерию, пока наш корабль неторопливо скользил вдоль земного пояса. Время шло в ритме волн. В торговом флоте парни выбирают суровую долю, и зачастую одинокую. Некоторые, может, и поступают на флот, чтобы кого-то забыть, вроде того как другие вербуются во Французский Иностраннный легион. Но прежде всего моряк любит море. Вы должны любить его едва ли не больше, чем «нормальную» сухопутную семейную жизнь, потому что чаще всего вы уходите в море очень-очень надолго.

Смотреть здесь особо не на что, разве что изредка покажется кит или мелькнет еще чей-нибудь плавник по правому или левому борту. Но в основном унылый дневной гул переливается лишь командой о конце смены: четыре рабочих часа, затем восемь часов отдыха и снова четыре часа работы – и так день за днем, неделя за неделей. Если повезет, выпадала добавочная вахта, и вы всегда соглашались, ведь обычное месячное жалованье было всего-то 300 долларов (или, по нынешним ценам, около 2218 до налогообложения), а сверхурочные давали приличную надбавку. В этом рейсе я частенько работал в две смены, но не ради наличных: матросы, с которыми я менялся часами, прикроют меня, когда

²² Хьюго Ленц (1859–1944) – австрийский изобретатель и инженер-разработчик паровых машин. – *Прим. пер.*

я отправлюсь на берег. Время от времени мы играли в рами²³ или блэкджек, а иногда я поднимался на палубу и размышлял о том, что ждет меня впереди, уставившись на пустой горизонт.

Раз, болтаясь на палубе, я вдруг вспомнил о Японии – возможно потому, что ходил туда однажды на военном транспорте «Хью Гэффи»²⁴, когда служил в морской пехоте. Армия напоминает лотерею, и куда тебя отправят – никогда не угадаешь, все зависит от того, мирное это время или военное. Некоторые всю Вторую мировую войну проторчали в Малибу, штат Калифорния. Другие оказались на секретной базе ВВС на Галапагосах, в экзотическом раю, где Чарльз Дарвин изучал гигантских морских черепах и корпел над своей теорией эволюции. Мой брат Билли, который записался в морпехи за год до меня, прослужил три года в Северной Каролине. А я пробыл пять месяцев в филиппинских джунглях и в кубинском Гуантанамо – до войны во Вьетнаме.

Что касается Японии, то мне выпала счастливая карта. Там я влюбился в красивую девушку по имени Митико, и это подтолкнуло меня выучить язык и познакомиться с азиатской культурой. Теперь эти знания пригодятся мне и во Вьетнаме.

Только я погрузился в сладкие мысли о Митико, как раз-

²³ Карточная игра. – *Прим. пер.*

²⁴ Название транспорту дано в честь генерал-майора армии США, участника Второй мировой войны. – *Прим. пер.*

дался чей-то крик: «Земля!» – и все на свете вылетело у меня из головы. Каждый свободный матрос на «Виктори» карабкался повыше, чтобы посмотреть своими глазами. Вот он, берег – ни пальм, ни хижин еще не разглядеть, но это точно суша. Темно-зеленая полоска холмов – там, где небо встречается с морем.

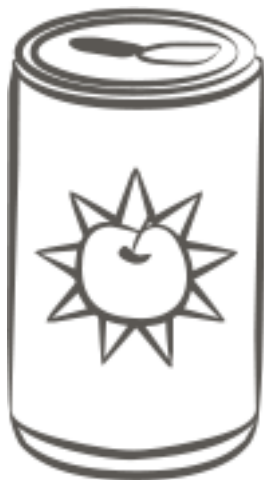
– Видать, Филиппины? – сказал кто-то задумчиво.

Похоже, он был прав, ведь несколько дней спустя, 19 января 1968 года, после восьми недель плавания, мы бросили якорь во вьетнамской гавани Куинён в Южно-Китайском море.

Где-то там были ребята из моего района, и пришло время их найти.

Глава 5

На якоре в Куинёне

Нам не сказали, где мы швартуемся, – из соображений безопасности. В начале XV века в порту Куинён бросала якоря флотилия адмирала Чжэн Хэ, евнуха при династии Мин, – армада кораблей, груженных драгоценными камнями, золотом, фарфором и даже жирафами, на пути домой из очередной заморской экспедиции, предпринятой по императорскому указу. В наши дни это провинциальный центр, в четырехстах милях к северо-востоку от Сайгона, и главное сокрови-

ще здесь нынче – нефть. Куинён – основной пункт переброски горючего с океанских судов в гигантские топливные цистерны, видневшиеся на склоне холма.

Какой же мишенью для вражеских диверсантов-саперов, подплывавших под корпус со взрывчаткой, были эти корабли! И работа Томми Коллинза как военного полицейского была в том, чтобы охранять их. Груз наш перемещался судовыми кранами в гавани на баржи, а нам, морякам, запрещалось сходить на берег. Я, однако, надеялся, что мой план работает и что капитан сделает исключение персонально для меня.

Я не очень-то жалую капитанов. Вообще не люблю авторитеты, но капитанов – особенно. Я бы и словом с ними не перекинулся, не будь в том необходимости. Те, под чьим началом я служил, обычно больше напоминали деспотичного капитана Мортонa, которого сыграл Джеймс Кэгни в фильме «Мистер Робертс»²⁵, чем благородного Ричарда Филлипса в исполнении Тома Хэнкса²⁶.

²⁵ «Мистер Робертс» (*англ.* Mister Roberts) – военная кинолента режиссеров Джона Форда и Мервина Лероя, вышедшая на экраны в 1955 г. Фильм основан на одноименном романе Томаса Хеггена (1946) и одноименной пьесе (1948), созданной Хеггеном совместно с Джошуа Логаном по мотивам романа. Джеймс Кэгни (1899–1996) – американский актер театра и кино, лауреат «Оскара» (1943). – *Прим. пер.*

²⁶ «Капитан Филлипс» (*англ.* Captain Phillips) – американский кинотриллер режиссера Пола Гринграсса, основанный на реальных событиях, связанных с захватом судна MV Maersk Alabama сомалийскими пиратами. – *Прим. пер.*

Как-то раз мы выгружались в бухте Камрань²⁷, когда один из наших подхватил желтуху. Этого парня в береговой госпиталь капитан не отпустил. Зато пару часов спустя, когда капитанский доберман-пинчер поранил лапку, провалившись в люк, он же скомандовал спустить на воду шлюпку с парой матросов, чтобы доставить пса к ветеринару.

Собираясь навестить свою животину, он собрал нас на палубе.

– Вперед, за работу! Выгружайте всю древесину, что мы приволокли, вон в те военные грузовики на другом конце пирса, – распорядился кэп, мрачный как туча. – И если вы думаете, что после этого можете расслабиться, то черта с два. Как опустошите трюм, вылижите мне его до блеска!

И был таков.

Конечно, первое, чем мы занялись, – это отправили нашего больного парня на госпитальный причал, на береговую базу.

Затем мы выгрузили пятьдесят лишних матрасов, что нашлись на нашей здоровенной посудине. Я тут узнал, что мальчишки-летчики дрыхнут на своей базе на раскладных койках и, поди, ерзают там и ворочаются в духоте. Мы с ребятами потолковали об этом и решили, что раз команда у нас сокращенная, то вроде как эти запасные матрасы нам ни к чему, и лучше спрячем-ка мы их, прямо в упаковке, под дос-

²⁷ Бухта Камра́нь (*вьетн.* Cam Ranh) на берегу Южно-Китайского моря – место расположения военно-морской базы. – *Прим. пер.*

ками на тех самых военных грузовиках, которые нам велено нагружать. Покуда мы не вернемся домой, сам капитан пропажу не обнаружит, зато уж судовладелец в порту приписки – наверняка. Но мы-то к тому моменту все уже спишемся на берег, вот пускай и отдувается.

Справедливости ради, я тоже не всегда был пай-мальчиком для своих капитанов. Была у меня привычка хорошенько оттянуться, когда мы заходили в порт, и насладиться всем, что предлагал незнакомый город. В конце концов, не в этом ли главная прелесть путешествий по миру? И случилось, признаюсь, что меня доставляли на корабль с полицейским эскортом. Как тогда, в Дурбане, в ЮАР, когда шестеро копов зашелкнули на мне наручники за то, что я выпивал в негритянском баре. Ну так я вам скажу, что и танцевать в том кабаке было куда веселее, чем в каком-нибудь их апартеидовском ночном клубе «только для белых».

На этот раз я не был даже уверен, что нам, матросам, разрешат сойти на берег в обычное увольнение. Это был военный порт, я уже бывал в таких и видел, как разгружают опасные грузы – кранами на баржи, посередине гавани, пока ты тоскливо таращишься на берег. Если и сегодня будет так, я хотя бы надеялся, что, раз уж я избранный председатель судовой профсоюзной ячейки, капитан, может, и согласится посмотреть в другую сторону. Мне кровь из носу надо было высадиться во Вьетнаме.

Что я еще заметил – так это то, что капитанам обычно

наплевать на все, кроме рейсового задания, и необходимости сделать все как надо. И они терпеть не могут, когда во время работы кто-то дергает их по всяким пустякам.

Так что, едва мы бросили якорь, я сразу направился к кэпу. Встретил он меня настороженно: за все плавание мы ни с ним двух слов друг другу не сказали.

– Капитан?

– Чего тебе, Донохью? Я тут немного занят, если ты не заметил.

– Ну, сэр, я не знаю, в курсе ли вы, но у меня здесь, в Наме, служит сводный брат...

– С какой стати мне это знать?

– Ну да, вообще-то так, конечно, сэр, но как бы там ни было, у меня тут скверные семейные новости, которые я бы хотел сообщить ему лично, раз уж он тут в такой обстановке, и...

– Что ты мне голову морочишь, Донохью! Скажи прямо – намылился в бордель, разве нет?

– Не-не-не, капитан! Дела дома на самом деле невеселые, и мне нужно лично увидаться с братом, с глазу на глаз, пока не стало слишком поздно.

Я не хотел углубляться в это вранье и рассказывать историю о больной матери или еще что-нибудь в таком роде, чтобы ненароком не накаркать настоящую беду. И сводного брата я тоже выдумал – на случай, если капитан вздумает искать кого-нибудь с моей фамилией.

Но, конечно же, все, что его заботило, — это дело.

— А как быть с машинным отделением? — набычился он.

Машинное отделение нуждалось в лишних руках, хоть мы и стояли на якоре. Но я уже обменялся девятью вахтами, чтобы меня подменили во время отлучки.

— Без проблем, капитан! Я договорился с парнями на следующие три дня.

Я думал, что именно столько времени займет все дело. Навивно...

Он молчал, казалось, целую вечность. Наконец выдавил:

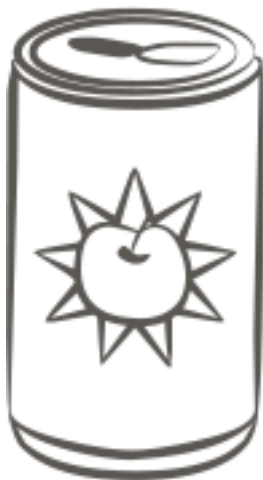
— Ладно, Донохью. Но для тебя же лучше быть здесь, на палубе, к 8 утра в понедельник, понял?

— Да, сэр! Спасибо, сэр!

— И кстати, не дай себя подстрелить, Донохью. Не хочу потом всей этой бумажной волокиты.

Глава 6

Нахожу Томми Коллинза

Верно, если бы меня ухлопали на берегу, капитану пришлось бы многое объяснять. Но я уже дважды бывал во Вьетнаме, и в те времена там было примерно так же опасно, как в Бронксе, – если не совать нос куда не следует. Я прикидывал, что на все про все уйдет два-три дня.

Спустившись к огромному рефрижератору, я покопался глубоко в его недрах. Там было припрятано пиво, которое я привез из Нью-Йорка. Почти ящик старых добрых амери-

канских сортов – отличный старт! Я переложил все в рюкзак вместе с бритвой и парой носков. Лодка-такси перевезла меня через гавань.

Эта же лодка высадила несколько человек из военной полиции для охраны «Дрейк Виктори» и теперь переправляла второй отряд на следующее грузовое судно в гавани. Военные полицейские в Куинёне патрулировали город и стерегли лагеря для пленных на суше. Но они также охраняли грузовые суда от абордажных сампанов – небольших крытых плоскодонных лодок, набитых парнями с автоматами. Или от таких инцидентов, как со старым «Кардом»²⁸ – охотником, потопившим одиннадцать нацистских подлодок во время Второй мировой, – который и сам сел на дно в гавани Сайгона в 1964 году, получив тридцатифутовую пробоину после взрыва магнитной мины и потеряв при этом погибшими пять человек экипажа.

На касках у этих ребят я заметил узнаваемую желто-зеленую эмблему с мечом и топориками – 127-й полк военной полиции. Такая же должна быть и у нашего Томми Коллинза.

Как только мы устроились в лодке, я спросил:

– Кто-нибудь из вас, парни, знает Коллинза? – тут я по-

²⁸ USS Card – бывший эскортный авианосец ВМС США, впоследствии списанный и вновь возвращенный на службу во время Вьетнамской войны уже в качестве транспорта для переброски авиатехники в подчинении Командования морских перевозок. Был подорван вьетконговскими диверсантами-водолазами, сел на грунт, но вскоре был поднят, отремонтирован и снова введен в строй. – *Прим. пер.*

думал, что это слишком распространенная фамилия, и добавил: – Тома Коллинза из Нью-Йорка?

– Ясно, знаем, – откликнулся один из них. – Тем более что мы его смена. Он на вон том корабле, прямо по курсу.

Мне показали на еще один сухогруз под нашим флагом.

Вот так удача! Может, потянуть ее за хвост еще разок?

– Эй, а мне с вами можно?

– Да без проблем.

Подплываем мы к тому сухогрузу, и, как сказано у поэта²⁹, «вдруг вижу я, вижу: ну точно как в сказке» – на палубе стоит и ждет смены Томми Коллинз собственной персоной.

– Эй, Коллинз! – заорал я снизу. – Томми!

Томми вытаращил глаза, глядя на нашу лодку.

– Чики?! – Он слетел вниз по трапу и схватил меня за плечи, словно не веря, что я – это я.

Он теперь выглядел крупнее и сильнее, чем я его помнил, и всем своим видом выражал изумление.

– Чики! Охренеть, ты что, шутишь?! Какими судьбами? Ты что, совсем псих? Какого черта ты здесь забыл?

Я выдернул из сумки пивную банку и вручил ему:

– Это тебе от Полковника и от меня, и вообще от всех наших из «Дока Фиддлера». Мы там, понимаешь, сидели и думали, что хорошо бы кто-нибудь метнулся сюда и поставил

²⁹ Имеется в виду «Визит святого Николая» (англ. A Visit from St. Nicholas) – детское стихотворение, написанное американским поэтом и лингвистом Клементом Муром. – Прим. пер.

вам выпивку – ну, за то, что вы тут делаете для всех нас. Так что вот он я!

Тут я вспомнил миссис Коллинз, которая тогда пришла ко мне в бар.

– А, да! Еще твоя мама просила, чтобы ты ей написал, как ты тут и все ли с тобой в порядке.

Томми запрокинул голову и расхохотался. Он, как всегда, смотрел на вещи с юмором. Наша лодка отчалила, и я сказал ему:

– Давай, мужик. Пей, пока холодное.

Томми вскрыл банку и вылакал свое пиво чуть ли не одним глотком. Я подумал: может, он все еще в шоке, потому что Томми вдруг прищурился, оглядел меня с ног до головы и опять зашелся в смехе.

– Что это за хрень ты на себя напялил? – спросил он. – Белые джинсы и рубашка в клеточку... Ты что, в гольф-клуб собрался?

Он был прав. Я выделялся своим нарядом. Что называется, с корабля на бал, ну или скромнее – из машинного отделения на палубу. Но я как-то не прикидывал гардероб для тропического сафари во Вьетнаме.

Лодка довезла нас до берега, и мы с Томми отправились в его лагерь – в открытом джипе по шумным улочкам Куинёна. Я увидел заросшие руины знаменитых башен Тхап Дой Чам, украшенные гротескными изображениями Гаруды – наполовину птицы, наполовину человека, – которые много веков

назад высекли индусы, правившие в этих краях, прежде чем уступить свое место конфуцианским императорам.

Неподалеку девушки в светлых пижамах свободного покроя занимались боевыми единоборствами, демонстрируя сногшибательное акробатическое мастерство. Они практиковали форму самообороны, которая тренирует женщин противостоять гораздо более крупному противнику. В другом двореке мужчины в пижамах черного цвета отрабатывали приемы борьбы с оружием – вроде тех, что в фильмах с Брюсом Ли. У них были палаши, копья, грабли, молоты, цепные кнуты и даже вилы. Лучше бы им не встречаться в схватке с теми девушками, решил я.

На базе соседи Томми по казарме не могли поверить, что я притащился во Вьетнам только для того, чтобы поставить ему выпивку.

– Так оно и есть, ребята, – заявил я им. – И для вас, кстати, тоже найдется!

Деньги за сверхурочные вахты жгли мне карманы.

Дежурство никому из них сегодня не грозило, так что мы всей компанией попрыгали в пару джипов и помчались обратно в город. Дорога была запружена мотоциклами и мопедами, а поскольку светофоров здесь не водилось, тут и там беспрерывно крикали автомобильные гудки. Сквозь эту какофонию мы продрались к одному бару, где тоже было шумно, но на свой лад. Это было место, где в красном мигающем свете стробоскопов под американскую музыку танцевали хо-

рошенькие девушки в традиционных шелковых платьях аозай, правда, хорошенько укороченных – до длины мини-юбки. Динамики здесь ревели не хуже двигателей бомбардировщика Б-52.

Мы оккупировали один столик, и несколько красоток тут же облепили его, бросая любопытные взгляды на загадочно-го типа в окружении шестерых военных полицейских.

– Может, угостишь нас сайгонским чаем? – предложила одна из них нашему Томми.

Сайгонским чаем тут называлась всего лишь обыкновенная, разбавленная водой фруктовая смесь Kool-Aid – единственный напиток, который им разрешалось пить на работе, чтобы не пьянеть, и который они продавали по четыре бакса за стакан. Такова была цена за их компанию, так что я расплатился за этот самый сайгонский чай, чтобы угостить леди. Парни, понятное дело, предпочли пиво и виски.

Забавнее всего, что там, дома, многим из ребят это спиртное и не продали бы – ну разве что в Нью-Йорке, Флориде да еще в паре южных штатов. Вдобавок, до принятия в 1971 году 26-й поправки к Конституции, федеральное правительство полагало этих молодых людей недостаточно взрослыми, чтобы голосовать. Зато вполне созревшими, чтобы умереть за свою страну.

Вскоре они уже заливались смехом, когда мы с Томми рассказывали, как плавали голышом в Спьютен-Дуйвиле и подшучивали над туристами с прогулочных катеров Кольцевой

экскурсионной линии. В свою очередь, мы слышали от ребят кучу историй о далеких городах, из которых те были родом. В армии вы встретите фермеров и парней из гетто, серферов и фабричных рабочих, учителей и водителей грузовиков от Детройта до Ист-Хабкапа, штат Айдахо. Иной раз диву даешься, как велика Америка.

Девушки повсюду флиртовали, но этой ночью мы были настроены скорее на невинную попойку. В баре мы засиделись до самого закрытия и той же шумной бандой вернулись на базу, в казармы, – с целым ящиком выпивки, которую прихватили навынос.

По соседству с нашим был разбит южнокорейский лагерь. Южная Корея тогда была самым большим союзником США, отправив на эту войну 320 тысяч солдат. Несмотря на поздний час, парни из ЮКР были на плацу, тренировались – да, снова боевые единоборства. Они занимались ими всерьез. В 1964 году во Вьетнаме на каждые 140 южнокорейских солдат приходилось по 10 инструкторов тхэквондо.

Мы молча наблюдали за ними, прихлебывая выпивку, как вдруг Томми сказал:

– Эй, Чики! А не спеть ли нам, а? Какую-нибудь старую песенку из тех, что мы горланили в парке!

В парке Инвуд-Хилл мы, бывало, подолгу сидели на ступеньках, пили пиво, и пели, и рассказывали друг другу всякие байки, и в этом была какая-то магическая красота момента – единение с друзьями и отрицание одиночества. В

Ирландии это называется «кутить»³⁰. И вот мы затеяли то же самое здесь, устроившись рядом с казармами, болтая и распевая ирландские песни:

Не слышал свет про англичан – а уж Ирландия была,
И будет сотни лет спустя, как Англия сгорит дотла.

И еще:

Собрались как-то мы с Макэлду да с Макги,
Решили провести вечерок по-людски!
Звенел у нас в карманах и шиллинг-другой,
А значит, жди веселья и виски рекой!

Там было до черта куплетов, так что под конец даже парни с Миссисипи принялись нам подпевать. Думаю, мы порядком расшумелись, потому что откуда ни возмись выскочил вдруг молоденький лейтенант и заорал на Томми и остальных:

– Что еще здесь творится, рядовые?!

Парни вытянулись в струнку, как положено, а я остался сидеть.

Не знаю, что на меня нашло, но я заявил ему властным голосом:

– Лейтенант! На каком основании вы допрашиваете этих

³⁰ В оригинале *сгаіс* (*диал. ирл.*) – веселье; веселая, душевная обстановка; обмен дружескими сплетнями; совместная попойка, кутеж. – *Прим. пер*

людей?! Сегодня ночью они при исполнении специального задания, так что советую вам вернуться в вашу казарму!

Он дернулся было в мою сторону с таким свирепым видом, словно собирался разорвать меня на куски. Но внезапно притих, повернулся на каблуках и скрылся с глаз, словно его и не было.

– Хрена себе! – воскликнул изумленный Томми.

Это был первый из многих случаев, когда офицеры во Вьетнаме вели себя со мной столь же осторожно, и вначале я никак не мог взять в толк почему. Пока однажды кто-то не просветил меня:

– Приятель, ты не въезжаешь? Они думают, что ты из ЦРУ! Потому что кому еще, мать твою, придет в голову разгуливать по линии фронта в джинсах и клетчатой рубашечке!

Вслед за своими предшественниками из УССС³¹ во время Второй мировой войны оперативники ЦРУ находились во Вьетнаме с начала пятидесятих, когда страну еще контролировала Франция, что хорошо описано у Грэма Грина³² в «Тихом американце». Французы в конце концов ушли, потерпев разгромное поражение от войск северовьетнамского ге-

³¹ Управление стратегических служб США – первая объединенная разведывательная служба США, развернутая во время Второй мировой войны. На ее основе после войны было создано ЦРУ. – *Прим. пер.*

³² Генри Грэм Грин (1904–1991) – английский писатель, поэт и журналист, в 1940-е гг. – сотрудник британской разведки, работе которой и посвящено большинство его книг. – *Прим. пер.*

нерала Во Нгуен Зяпа³³ в битве при Дьенбьенфу в 1954 году. Но ЦРУ осталось и развернуло тайную операцию, настраивая вьетнамцев против коммунистов. Эту миссию возглавил не кто иной, как мастер психологической войны ЦРУ Эдвард Лэнсдейл³⁴, которого и считают прототипом главного героя в «Тихом американце». В 1968 году вездесущие агенты ЦРУ были неотъемлемым элементом почти любой военной операции США во Вьетнаме. Я не то чтобы пытался намеренно выдавать себя перед офицерами за одного из них, но сам по себе этот эффект очень поможет мне в ближайшие дни.

Впрочем, мы и вправду загуляли, пора было закругляться: ребятам, может, оставалось пару часов на сон. Томми выделил мне спальный мешок, так что я переночевал в их казарме. Мне, однако, показалось, что едва я сомкнул глаза, как уже услышал побудку.

Утром я сказал:

³³ Во Нгуён Зяп (1911–2013) – вьетнамский генерал и политик. Принимал участие в Индокитайской и Вьетнамской войнах. Битва при Дьенбьенфу – крупное сражение между французской армией и силами Объединенного национального фронта Льен-Вьет, произошедшее весной 1954 г. Считается решающим сражением Первой Индокитайской войны, определившим поражение французских колониальных войск в регионе. – *Прим. пер.*

³⁴ Эдвард Гири Лансдейл (1908–1987) – офицер ВВС США, генерал-майор, служивший в Управлении стратегических служб и Центральном разведывательном управлении. В 1954–1957 гг. был главой военной миссии в Сайгоне, в Южном Вьетнаме, принимая активное участие в подготовке Вьетнамской национальной армии. Относился к сторонникам более решительных действий во время Холодной войны. – *Прим. пер.*

– Ладно, Томми, пора мне отчаливать. Нужно навестить Рика Даггана на севере.

Однако все, что я знал о Рике, – это то, что он обретался где-то в Анкхе³⁵, в Центральном нагорье.

– И как ты, черт тебя возьми, собираешься туда добираться?

– Об этом не беспокойся, – махнул я рукой.

Томми не знал, что вчера в баре я познакомился с одним техасцем и кое о чем с ним договорился.

– Кстати, не хочешь со мной?

– Э, приятель, я-то только за! – сказал Томми и поволок меня к старшине, который держал свою контору в здоровенном сборном ангаре из гофрированного железа.

– Сэр, – сказал я старшине, – я тут собираюсь навестить Центральное нагорье, чтобы поискать сводного брата, для которого у меня срочные новости из дома. Томас Коллинз предложил сопровождать меня на правах старого друга семьи.

Старшина окинул эдаким сердитым взглядом с ног до головы сначала меня, затем Томми и снова меня – и прорычал:

– Единственное, что Коллинз будет куда-нибудь сопровождать, – так это собственную задницу обратно в порт, в караул. А вы катитесь-ка отсюда подобра-поздорову, не знаю

³⁵ Анкхе (*вьетн.* An Khê) – город в провинции Зялай, центральной части нагорья Вьетнама, место дислокации 1-й кавалерийской дивизии США, база «Кэмп Рэдклифф». – *Прим. пер.*

уж куда вас там черти занесут в этой вашей увеселительной прогулке. Вы вообще в курсе, что здесь по стране никто никуда без предписания не шляется? Вот вам пропуск с базы, и благодарите бога за это. Свободны!

Мы вышли оттуда в расстроенных чувствах, особенно Томми, которому было обидно, что он пропустит вечеринку с Риком на севере. Но вскоре к нему, как обычно, вернулось веселое настроение:

– Эй, ну мы хотя бы попытались, а, Чики?

– Ну! Тем более мы ж не хотим, чтобы эти вьетконговские подрывники узнали, что лучший военный полицейский Куинёна – в увольнении.

Это заставило его улыбнуться. Я крепко обнял его и зашагал к шоссе, где голоснул одному из проезжавших мимо грузовиков компании «Ханджинские перевозки», которая таскала боеприпасы в распоряжение частей по контракту с Армией США. Водители там были гражданские, корейцы – отчаянно смелые ребята.

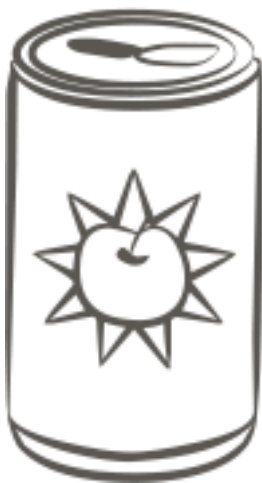
– Пока, Чики! – заорал Томми, и другие парни, с которыми мы всю ночь тусовались, замахали руками.

– Увидимся дома, Томми! – крикнул я в ответ.

Я молился, чтобы так оно и было. И в то же время чувствовал оптимизм, потому что нашел Томми мгновенно, на что уж никак не надеялся. Было ли это удачей или божественным промыслом, не берусь сказать, но какой-то добрый свет пролился тогда на нас.

Глава 7

Техасец, которому наплевать на предписания

Прошлой ночью в баре мы с Томми выпивали со здоровенным сержантом из Техаса, мундир которого был украшен нашивкой с черной лошадиной головой на желтом фоне – эмблемой 1-й кавалерийской дивизии. Рикки Дагган служил именно в ней, в роте «Браво». Эта дивизия и в самом деле была конной – где-то до середины Второй мировой войны, но

в наше время кавалеристы уже пересели на вертолеты – 600 машин. Самое большое вертолетное подразделение в мире.

Я тогда поинтересовался у сержанта:

– Случайно не знаешь, где сейчас рота «Браво»?

– Да-апустим, знаю, – ответил тот. – В горах, а что?

– Ну, там мой сводный братишка, вот я и пытаюсь до него добраться.

Тут этот техасец и выдает этим своим тягучим южным акцентом:

– Ну, так впереед, двигай с на-ами. У нас свой самолет.

В 1-й кавалерийской были собственные транспортники, так что они не особо зависели от центрального командования. Нетрудно догадаться. Сержант как раз был старшим механиком. Я заявил, что мне уже приходилось летать на огромных четырехмоторных С-130 «Геркулес», способных поднять до 20 тонн груза, – когда я сам служил морпехом. Но сейчас я никто, и предписания у меня нет.

Выяснилось, что этому техасцу на предписания наплевать.

– Ска-азал же, валяй с нами, завтра мы везем почту. Встретимся на ВПП, и я тебя па-адброшу. Ноль-восемьсот, не опоздай!

Это означало быть на аэродроме в восемь утра. Не так-то просто после сумасшедшей ночи с Томми Коллинзом и остальными. К счастью, тот шофер из «Ханджинских перевозок» торопился со своим грузом туда же и всю дорогу толь-

ко и делал, что жал на газ.

Мы были на ВПП ровно в восемь. Там, однако, не на что было смотреть, кроме нескольких деревянных времянок с гофрированными крышами, укрытий из мешков с песком и палаток. Скромные декорации для величаво сверкавшего на солнце «Грумман Альбатрос». Самолет-амфибия – испытанная рабочая лошадка ВВС, армии, флота и береговой охраны в их поисковых и спасательных операциях. Рядом с фюзеляжем, на бетонной полосе, уже ждал техасец. В утреннем свете он показался мне даже крупнее, чем вчера за барным столиком.

– Гляди-ка, мать твою! – воскликнул он. – Не опоздал! Раз так, приятель, давай на борт!

С ним отправлялись еще несколько парней, и я среди них. Поразительная удача! «Альбатрос» оторвался от взлетной полосы. Это был первый раз, когда я наблюдал Вьетнам с воздуха. Поодаль от Куинёна возвышалась исполинская статуя Будды, созерцавшего свою беспокойную землю. Отсюда эти холмы под лесным одеялом казались такими безмятежными! Но я знал, сколько бед прячется внизу, в спутанных зарослях. Бао Нинь³⁶, вьетнамский романист, сражавшийся в рядах северных повстанцев, позднее напишет в своей «Скорби войны»: люди верили, что джунгли кишат призраками всех

³⁶ Hoàng Ấu Phương, также известный под псевдонимом Bảo Ninh (род. 1952 г.), – вьетнамский писатель, эссеист и автор рассказов, наиболее известный своим первым романом, опубликованным на английском языке под названием *The Sorrow of War*. – *Прим. пер.*

погибших там, под кронами, – вьетнамцев ли, американцев – всех.

Мы пролетели около сорока миль на северо-запад, в направлении Центрального нагорья, и вскоре приземлились в Анкхе, провинция Зялай. Спустившись по трапу, я от души поблагодарил техасца. Экипаж побросал на бетон мешки с почтой, и машина снова взмыла в воздух.

Я осмотрелся и увидел вокруг до смешного мало людей. Роты «Браво» здесь уже не было. Пара ребят, собиравших почтовые мешки, пояснили мне, что ее перебросили еще спозаранку – поближе к демилитаризованной зоне на границе с Северным Вьетнамом. Бойцы 1-й кавалерийской мотались туда и сюда на своих вертолетах, так что у меня не было ни одного шанса нагнать их даже на джипе, не то что на своих двоих. Демилитаризованная зона – это примерно 200 миль на север, на 17-й параллели, парни уже могли быть где угодно. Впрочем, как мне сказали, сержант интендантского отделения и еще несколько человек все еще пакуют какие-то ротные пожитки примерно в миле вверх по дороге. Я поднялся туда и нашел этого сержанта, похоже, кадровика, лет сорока.

– Не знаете Рика Даггана?

– А кто спрашивает? – буркнул он.

– Я его сводный брат, – заявил я, что было почти правдой, если широко смотреть на братские узы. – Мне надо его найти. Знаете, где он?

– Типа того.

– Он ведь был здесь?

– Типа того.

Создавалось впечатление, что этот мужик еще в раннем детстве успел повидать все, что нужно повидать. И почти ничего из увиденного ему не понравилось.

– А сейчас где, не подскажете?

– На севере, с остальной ротой.

– А конкретнее?

– Знать не знаю. Просто на севере.

Тут он, видимо, заметил, что я совсем пал духом, и смягчился:

– Лан, черт с тобой. Черкни своему братцу письмо – и днем он его прочтет.

– Вы только что сами сказали, что понятия не имеете, где он, а теперь – что днем он прочтет мое письмо?

– Ясен пень, прочтет! – рявкнул сержант с таким возмущением, будто я сморозил полную чушь. – Раз есть почтовый рейс в «тыща-триста».

– Э-э... – осторожно поинтересовался я. – А сам я не могу попасть на этот самый «тыща-триста»?

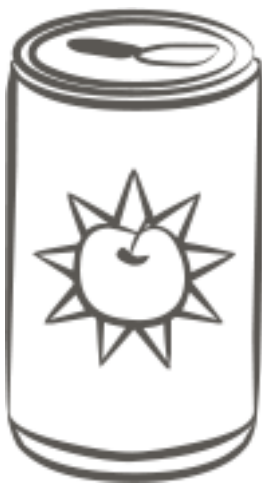
Он уставился на меня с каменной физиономией и сказал:

– Один черт, ты уже здесь.

Я решил, что это скорее да, чем нет. На часах сейчас было «тыща-двести». Не сказать, чтобы у меня оставалось много времени.

Глава 8

Добрый самаритянин из Анкхе, или Мир тесен!

Я зашагал обратно в Анкхе, торопясь поспеть на аэродром к почтовому самолету. Грязная дорога, которую обступали джунгли, была совершенно пуста: для гражданских ее перекрыли, а военные к этому времени уже успели вывезти основную часть снаряжения. Ни одной попутки. Наконец я услышал шум мотора, повернулся и увидел джип. Я помахал

рукой.

В машине сидели трое – водитель в цивильном комбинезоне и еще двое в форме. Водитель притормозил чуть впереди меня и позвал, даже не повернув головы:

– Полезай!

Я запрыгнул в кузов.

– У нас тут срочное дело в деревне, мужик, – сказал этот добрый самаритянин, крутя баранку. – Но есть хорошее правило: не бросай своих. Тебе вообще куда?

– На север, – ответил я. – Ищу тут кое-кого.

– Хорошенькое ты выбрал место для поисков.

Я открыл было рот, чтобы пояснить, как вдруг парень повернул голову, взглянул на меня – и так резко ударил по торможам, что аж колодки взвизгнули.

– Господи Иисусе! Чики! Чики, мать твою, Донохью! Какого черта?!

– Кевин?!

Поверить нельзя! Передо мной за баранкой сидел не кто иной, как Кевин Маклун, родная душа! Ведь и он тоже был в моем списке, но я еще даже и не искал его!

– Черт, тебя-то как сюда занесло? – оглушенно спросил Кевин.

– Ну, так-то я искал тебя. То есть не только тебя – и Рикки тоже, и Бобби, и Томми, и Джои, и Ричи. И других парней. Я приволок вам пива из Нью-Йорка, потому что мы дома хотим, чтобы вы знали – Инвуд с вами!

Двое солдат на заднем сиденье переглянулись с выпученными глазами. Кевин еще долго тряс головой, не веря себе:

– Вау! Так это хренов пивной забег, что ли?!

К счастью, у меня в сумке еще хватало банок нью-йоркского разлива, чтобы поделиться с ними и оставить про запас для Рика Даггана и тех, кто окажется рядом с ним, когда я его найду. Не говоря о Бобби, Джои или Ричи.

– Э-э, Чики! – взял быка за рога Кевин. – Валяй! Чем я могу помочь?

Я начал с того, что с удовольствием оттянулся бы с ним хоть до самого утра, но эдак я никогда не обойду всех парней из списка вовремя, чтобы вернуться на сухогруз.

– Можешь подкинуть меня до аэродрома – на всех парах?

– Считай, что сделано! – ответил он, выжимая газ.

Я вручил по банке ему и тем двум парням в кузове, которые назвались Джимом и Тони, и извинился:

– Простите, ребят, тепловатое.

– Да пофиг! – отмахнулся Джим, вскрывая одну для Кевина, другую для себя. – Обожаю этот звук! Пш-ш-ш!

Передав Кевину его банку, он сделал длинный глоток из своей, жмурясь от удовольствия. Тони тем временем уже вылакал свою порцию.

– М-м-м... Давненько я «Рейнгольд» не пробовал. Год, не меньше!

Маклун тоже наслаждался пивом, не отрывая одну руку от баранки:

– Кого-нибудь тут волнует, что водила пьет за рулем? – задал он риторический вопрос.

Кевин прослужил четыре года в вертолетной эскадрилье НММ-261 Корпуса морской пехоты, иначе известной как «Бешеные Быки». Начал он в шестьдесят третьем, в Дананге, еще при живом Кеннеди – в те времена военное присутствие США во Вьетнаме, можно сказать, едва стартовало. «Бешеные Быки» были третьим по счету подразделением морпехов, переброшенным сюда, – всего 250 человек, включая пилотов. Они тогда делили брошенную базу Французского Иностранного легиона с двумя отделениями «зеленых берегов» и парой-тройкой сотен южновьетнамских солдат. Там еще были горцы-монтаньяры³⁷, которые ревностно учились военному делу у американского спецназа, несмотря на то что их соседи-вьетнамцы обращались с ними как с грязью, считая за дикарей. Кевин вспомнил, что монтаньяры впервые пришли на базу в набедренных повязках, суеверно отказывались от консервированных пайков и предпочитали охотиться с отравленными стрелами на лесных обезьян. Ну или уламывали пилотов слетать в их горную деревню за свиньей или курами. Сами по себе они были отчаянными бойцами,

³⁷ Имеется в виду группа племен Тхыонг, также дегары – совокупное название нескольких коренных народностей плоскогорья Тэйнгун. Монтаньяр – уже французский термин, буквально означающий «горец». Долгое время оставались дискриминируемым вьетнамцами меньшинством, независимо от политического лагеря, в силу чего активно воевали на стороне США, надеясь отстоять свою автономию. – *Прим. пер.*

хотя время от времени вождь племени объявлял, что пришел час пить полынную настойку из общего котла. Кевин сказал, что по вкусу она была как анисовка, но была по мозгам не хуже абсента, который обожали «эти шизанутые французские художники». Такие обряды выбивали монтаньяров из строя на один-два дня, но потом они снова сражались, как тигры.

Сам Маклун, как я уже упоминал, демобилизовался где-то год назад, но, учитывая свое отличное знакомство с вертолетами, решил остаться в качестве частного контрактора – специалиста по электронной начинке.

– Вьетконг тут подделывался под наши частоты в FM-диапазоне, – объяснил он, – чтобы сбивать с толку пилотов. Якобы кто-то из наших на земле срочно запрашивает вертушку. Так что мы с ребятами ставим шифраторы на каждую бортовую радиостанцию.

Последний отрезок пути привел нас на вершину крутого холма, и, увидев оттуда аэродром, я испытал настоящее облегчение. Обещанный почтовый двухмоторник стоял на взлетной полосе. Да и дружище Кевин не стал просто высаживать меня у периметра, а проводил к пилоту.

– Не подбросите меня на север?

– Не возражаю, – ответил пилот. – Только сходите в штаб и покажите им свое предписание.

– У меня его нет, – признался я.

Он пристально разглядывал меня около минуты, затем хмыкнул:

– Ясно. Но пусть они хотя бы внесут вас в список пассажиров.

Короче, я отправился в этот штаб, который оказался всего лишь сборным бараком, посреди которого за раскладным столом сидел солдат. В той же самой резко-повелительной манере, которая вчера выручила меня в Куинёне, я заявил ему:

– Меня интересует рейс в «тысяча-триста». Есть у вас та-кой?

– Так точно, сэр!

– Хорошо. Внесите мою фамилию в список пассажиров. Джон Донохью. Запишите... – я сделал многозначительную паузу, – «Гражданский».

Он нахмурился, соображая что-то про себя, затем кивнул и так и сделал.

Я вернулся к Кевину, которого оставил у самолета. Там уже собралось около дюжины солдат и несколько офицеров, ожидавших посадки. Немного спустя явился другой штаб-ной со списком и принялся читать имена. Вначале он выкрикнул было офицеров. Затем спохватился:

– Минутку. У нас тут, кажется, «гражданский»?

Я нервно сглотнул.

– Донохью?

– Он самый.

– Добро пожаловать на борт, сэр!

Как будто я был пассажиром бизнес-класса. Офигеть!

Я повернулся к Кевину. Тот посмотрел мне в глаза и сказал:

– Честное слово, Чики, за все эти годы я еще ни разу не видел ни одного военного, ни тем более гражданского, кто бы забирался в наши джунгли без прямого приказа. Самые конченные укурки – и те предпочитают отсиживаться в Чиангмае, в Таиланде. А ты вот так запросто взял и решил прошвырнуться по Вьетнаму, просто чтобы навестить кого-то. Храни тебя бог!

Мы пожали друг другу руки.

– Спасибо, чувак! Увидимся дома!

Сказав так, я зашагал к самолету, всей душой надеясь, как было и вчера с Томми, что это мое прощальное пожелание сбудется. Я желал, чтобы оно сбылось вообще для всех и каждого.

Глава 9

Зона высадки

«Могильный камень»

В самолете я устроился в одном из посадочных кресел, вивших вдоль бортов, оставляя центр фюзеляжа свободным для груза. Мы оторвались от земли и взяли курс на север. Я был в восторге: прошло меньше суток, а я уже отыскал двоих из своего списка. Все срастается! Теперь я точно найду Рика, думал я, и быстро. В конце концов, у меня не так много

времени.

Рядом со мной сидели двое мальчишек-солдат. Мы разговаривались или, скорее, раскричались – под оглушающий рев двигателей. Впрочем, спрашивал по большей части я. Они возвращались в часть после ранения.

– Не слышали, где рота «Браво»?

– Мы сами как раз оттуда, – ответил один из них, тот, что пообщительней.

– Я ищу парня по имени Рик Дагган.

– Сержанта Даггана? – уточнил он.

– Его самого.

– Ну да, он в нашей роте.

– Я его друг по дому, – прокричал я, похлопав по тяжелой сумке. – Привез тут ему пивка!

После встречи с Маклуном у меня все еще оставалось с десяток банок, которые я прихватил из Нью-Йорка. Плюс я докупил кое-что из американских сортов для себя в Куинёне. Было чертовски жарко, и меня мучила жажда. Но наш домашний запас я берег для парней.

Услышав про пиво, эти двое мальчишек переглянулись и повели себя по-разному. Тот, что говорил со мной, помедлил и рассмеялся. Он находил все это забавным. А второй, помоложе, замкнулся и отвернулся. Я понял, что он хотел бы держаться от меня подальше. Черт возьми, будь его воля, он пересел бы в другой ряд – или вообще в другой самолет. Похоже, я казался ему ходячей проблемой – для любого, кто

окажется рядом. Видит бог, он был не прав. По крайней мере, в отношении себя.

– Вы вообще в курсе, парни, куда конкретно вас везут?

– Не, – ответил разговорчивый, – они нам никогда не говорят.

– Ладно. Надеюсь хотя бы, что вы не против моей компании.

– Еще как против! – откликнулся второй. – Идите своей дорогой, сэр. Джек, кончай с ним трепаться.

Это еще больше развеселило Джека. Я даже подумал, не поделиться ли с ним пивом. Но и второго парня винить мне было не за что. Кто угодно бы на его месте осторожничал. Встретишь вот так в военном самолете мужика – в джинсах и клетчатой рубашке, нестриженого, небритого, который уже слегка пованивает после суток в тропиках без душа. Поди разберись, что за бродяга.

Подозрительному солдатику было от силы лет восемнадцать, а ведь он уже успел поваляться в госпитале после ранения – и вот снова держит путь в джунгли. Он, может, все детство провел в такой сельской глуши, где коров было больше, чем людей, и до сих пор толком не поймет, что тут на хрен творится. Про себя я пожелал ему вернуться в свой маленький городок живым и здоровым.

Самолет приземлился в Фубае, где тогда была главная военная авиабаза на побережье, в десяти милях южнее древней вьетнамской столицы Хюэ.

В 1965-м Уэстморленд велел тысяче морских пехотинцев нарыть песка и набить им тысячи мешков, чтобы развернуть на этом месте свой лагерь. Они это сделали за месяц. В этот момент уважаемый четырехзвездный генерал, который до Вьетнама успел повоевать на фронтах Второй мировой и Корейской, передумал – и распорядился перебросить морпехов выше, на базы Контхиен и Камло, почти вплотную к демилитаризованной зоне. Уэстморленд правильно рассуждал, что его противник, северокорейский генерал Во Нгуен Зяп, намерен захватить северные провинции, и поэтому – в разрез с мнением высшего командования Корпуса – отправил батальон кожаных воротников³⁸ на еще более удаленную базу Кхешань, где потом и развернулась драматическая битва³⁹. С другой стороны, в уже готовом Фубае расположились сухопутные войска, и это в дальнейшем дало морпехам повод шутить, что они вот так, за здорово живешь, отгрохали тут для джи-ай⁴⁰ курорт не хуже Акапулько.

Выйдя из самолета, я направился-таки за моими солда-

³⁸ Прозвище морских пехотинцев (*англ.* leathernecks – «кожаные воротники», происходит от детали ранней униформы 1798–1872 гг.). – *Прим. пер.*

³⁹ Осада Кхешани – сражение между Народной армией Вьетнама и Корпусом морской пехоты США за военную базу Кхешань во время Вьетнамской войны. По оценке американской историографии, осада Кхешани стала самым долгим сражением войны с участием сил США и завершилась победой оборонявшей базу морской пехоты. Позднее база была оставлена, что позволило говорить о своей победе и северовьетнамской стороне. Осада Кхешани является одним из наиболее известных и знаковых сражений. – *Прим. пер.*

⁴⁰ То есть для армейских (GI). – *Прим. пер.*

тиками, держась чуть поодаль, футах в двадцати-тридцати. Вместе с парой других бойцов они забрались в БМП, и, как только машина тронулась, я, уже не скрываясь, догнал ее, с размаху хлопнув ладонью по броне. Взвизгнули тормоза – я прыгнул в кузов. Устроившись, я постучал дважды. Международным свод сигналов для автостопщиков: один раз – «стой», два – «поехали».

Парни уставились на меня, как на привидение, – за исключением Джека, который, наоборот, заговорщически подмигнул. Пока БМП ползла по холмам, я снова подумал о том, до чего же красивое место Вьетнам. Тут все почти как у нас, в Больших Дымящихся Горах⁴¹. Хотя, понятно, и жарче. Высоченный вечнозеленый лес. Важные удода с королевскими хохолками, дронго⁴² в своих разбойничьих масках и голубые зимородки носятся и трещат на сто голосов среди тиковых стволов высотой с корабельные мачты. Хлебные деревья гнутся под тяжестью стофунтовых плодов. Запах от них, правда, так себе, но выручают пышные заросли жасмина, цветущего вдоль дороги. Я почти было растворился в этой умиротворяющей красоте, как вдруг услышал крик лесного филина. Он звучит пугающе, словно женщина зовет на помощь где-то в глубине джунглей. Не просто так вьетнамцы

⁴¹ Национальный парк в США, на границе Теннесси и Северной Каролины. – *Прим. пер.*

⁴² Дронго (*лат. Dicrurus*) – птицы рода воробьиных, единственного в семействе дронговых. Представители рода обитают в тропических и субтропических регионах Африки, Азии и Австралии. – *Прим. пер.*

считают встречу с этой птицей дурным знамением.

Я и сам не заметил, как наша БМП остановилась у сельской церквушки, построенной еще при французах. Больше вокруг не было ни одной постройки, если не считать старого кладбища. Видать, из-за него эту зону высадки и называли «Могильный камень». Шестнадцать или восемнадцать вертолетов дремали неподалеку, на склоне холма. Это были те, что прилетели утром.

Джек посоветовал мне двигаться с ними – на одной из этих машин, которая до заката должна была перебросить парней глубже, в зону высадки «Джейн», где и стояла теперь рота «Браво». Я решил, что не упущу этот шанс.

Я направился в штабную палатку, увидел капрала за столиком и, как это теперь вошло у меня в привычку, сразу перешел на командный тон:

– Вертушка в зону высадки «Джейн», «тыща-восемьсот»!
Есть такая?

Он посмотрел на меня озадаченно, но отрапортовал:

– Так точно, сэр!

– Прекрасно! Внесите меня в список.

– Эм-м... Разрешите узнать ваше звание, сэр?

– Гражданский.

– Гражданский, сэр? Боюсь, вам следует решить это с майором.

Майор, о котором он говорил, как раз входил в палатку в сопровождении еще одного офицера. Капрал дождался, пока

те закончат разговор, и объяснил ситуацию. Повернувшись ко мне, майор уточнил:

– Значит, это вам надо в зону высадки «Джейн»? Откуда вы?

– С юга, – напустил я тумана. – Мне надо кое с кем встретиться.

И это сработало.

– Ясненько... – сказал майор, бросив на меня эдакий понимающий взгляд.

Вот как действует «эффект ЦРУ» – чистая магия!

– Ясненько, – повторил майор. – Хорошо. Капрал, внесите мистера Донохью в список.

– Вы уже обедали? – спросил меня майор, и я признался, что нет. Тогда он весьма любезно приобнял меня за плечо и отвел в столовую, где мы уселись за один столик.

За едой мы поболтали о всяких местных делах. С непривычки трудно было поверить, что целый майор вот так запросто ведет светские беседы со мной, простым парнем, который и в лучшие-то свои годы в морпехах не выслужился выше рядового. Зато уж в деле развешивания лапши по ушам я, как оказалось, был как минимум генералом. Выбрав момент, майор наклонился ко мне и спросил с самой доверительной интонацией:

– Может, поделитесь, что у вас за задание? Ну хоть в двух словах.

– О, разумеется, – говорю я. – Видите ли, у меня там свод-

ный брат, в этой вашей роте «Браво». Так вот, я просто привез ему пивка из дома.

Услышав это, он приснул и покачал головой:

– Да уж, вы, ребята из Сайгона, все такие. Слова в простоте не скажете.

Тем временем стукнуло шесть часов вечера, или же, на местном жаргоне, «тысяча-восемьсот». Пришлось распрощаться с любопытным майором – со всей признательностью – и направиться к вертолету.

Я забрался в вертушку в компании с двумя моими новыми знакомыми, возвращавшимися после госпиталя. Это был Белл УН-1, «Ирокез» или, как его еще называли, «Хьюи», – тяжело вооруженная машина с двумя пулеметами по бортам. За все мои годы в морской пехоте я летал на вертолете только раз, да и то в больничку – после небольшой автомобильной аварии на тренировочной базе Вьекес в Пуэрто-Рико. На заре времен санитарная эвакуация и была почти единственной задачей для вертолетов. Несмотря на то что армия заказала свои первые «Сикорски» аж в 1941 году и даже применяла их в Бирме три года спустя, спасая сбитых летчиков. В крупных делах военные в те годы все еще полагались на парашютный десант. В Корее вертолеты стали использовать уже побойчее – для разведки, снабжения и все той же эвакуации раненых, спросите у любого фаната «М.А.С.Н.»⁴³.

⁴³ «М.А.С.Н.» (в российском прокате – «Чертова служба в госпитале МЭШ») – американский телесериал, созданный Ларри Гелбертом по мотивам романа

Первые пробные высадки вертолетного десанта состоялись лишь здесь. Сам Джими Хендрикс, когда еще недавно тянул лямку в ВДВ, прыгал со старым добрым парашютом в Форте Кэмпбелл – пока армия, наконец, не предпочла от него избавиться, вышвырнув на гражданку по «уважительным причинам». Один из его командиров потом заявил, что «мозги у него набекрень, только о своей гитаре и думает – какая уж тут служба»⁴⁴. Впрочем, в этих краях Джими, конечно, не был. Во Вьетнаме вообще была предпринята лишь одна действительно крупная парашютная операция, «Джанкшн-Сити» в 1967-м, когда наше командование выбросило 845 десантников над джунглями, где они потом восемьдесят два дня искали штаб-квартиру Вьетконга. В остальном это была уже самая настоящая вертолетная война – первая в истории. Двенадцать тысяч машин и сорок тысяч пилотов, не считая наших союзников из Королевских ВВС Австралии, – весь этот флот барражировал над страной, высаживая или, наоборот, забирая солдат из таких мест, куда раньше могли добраться только парашютисты.

На «Хьюи» тут принято летать, держа бортовые створки

Ричарда Хукера. Выходил в эфир на канале CBS с 1972 по 1983 г. Повествует о жизни военного передвижного хирургического госпиталя № 4077 (Mobile Army Surgical Hospital), располагающегося в Ёйджонбу (Южная Корея) во время Корейской войны. – *Прим. пер.*

⁴⁴ Выдающийся американский гитарист-виртуоз автор и исполнитель песен Джеймс Маршалл (Джими) Хендрикс действительно проходил службу в воздушном десанте по приговору суда (в виде альтернативы тюремному заключению за инцидент с угоном машины) в 1961–1962 гг. – *Прим. пер.*

распахнутыми, и, признаюсь честно, мне стало не по себе, когда мы взяли курс на Хайланг, что в провинции Куангчи. Это ведь всего в часе пути от демилитаризованной зоны, так что земля там, внизу, была уже отнюдь не дружественная.

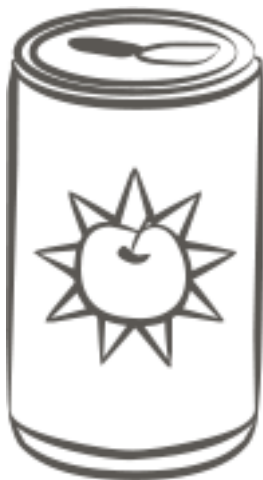
Еще одна неприятная особенность вертолетов, с которой мне пришлось познакомиться, – это то, что ветер задувает воздух снаружи внутрь. А я, как назло, пустил газы, так что экипаж и джи-ай, с которыми я делил кабину, чуть не задохнулись. Во всяком случае, носы они морщили очень выразительно. В какой-то момент пилот выключил двигатель и проорал:

– Так, все! Это уже ни в какие ворота. Все на хрен за борт!

Машина натурально начала падать. Я с ужасом представил себе, что еще полминуты – и мы разобьемся в самом сердце вражеской территории. Тут оба пилота переглянулись, расхохотались и перезапустили мотор. Наша вертушка выровнялась, устремляясь вверх. Ни хрена себе шуточки у них!

Глава 10

Это еще что за тип?!

К моменту нашего прибытия в зону высадки «Джейн» в Куангчи уже вечерело. Вертолет сел в пустом холмистом поле, где присутствие человека выдавал разве что флагшток с ветроуказателем, который воткнули, обозначив место для безопасной посадки. Едва мы попрыгали на землю, как вертушка тут же взмыла в воздух, шумя лопастями, и скрылась из виду. Зато неизвестно откуда явились бойцы со своим старшиной.

– Так, а это еще что за тип?! – сразу зарычал старшина.

Тот мальчишка-солдат, которому я не понравился еще в самолете, нашел наконец начальственные уши для своего нытья:

– Да я вообще не знаю, кто это! Он просто преследует нас, сэр!

Главнее этого старшины здесь и сейчас никого не было. У кого шеврон толще, тот и командир, это понятно. Так что пришлось мне объясняться с ним, пытаюсь растолковать, кто я, откуда и зачем. К счастью, с чувством юмора у старшины было все в порядке.

– Ну-ну, – понимающе ухмыльнулся он – Дагган-то сейчас в дозоре.

Затем он повернулся к своему радисту и приказал:

– Эй, парень. Вызови мне Даггана.

И, пока тот возился с полевым телефоном, ткнул пальцем куда-то:

– Спрячься-ка покамест тут. Ну, живее!

Я увидел довольно глубокую яму – одиночный окоп, отрытый для защиты от вражеского огня, – и прыгнул в нее. Сверху на меня накинули плащ-палатку.

– RV12845, вернуться в периметр! – услышал я, притаившись в окопе. – RV12845! В периметр!

У каждого бойца на передовой есть свой списочный позывной, потому что если противник слушает радиоперехват, то, узнав чье-то имя, может потом использовать его в своих

целях.

Я ждал, скрючившись под брезентом. Передовое охранение было в двухстах ярдах где-то впереди – поди добеги! Так что я начал тревожиться за Даггана: не хватало еще, чтобы его из-за меня подстрелили! Но вскоре услышал знакомый голос и облегченно улыбнулся.

– Вызывали, сэр? – спросил Рик. – Вы хотели меня видеть?

– Не я, – ответил сержант, – а этот вот мужик!

Оп-па! Тут они сдирают плащ-палатку с окопа, и я выскакиваю на свет божий, как черт из табакерки.

Дагган слегка оторопел. Даже заоглядывался растерянно – не розыгрыш ли это.

– Чики? Чики, мать твою! Ты тут какого черта забыл?!

– Да так, пивка тебе подбросить, – заявил я.

– Кончай заливать! Нет, серьезно, откуда ты свалился и зачем?

– Серьезно, – говорю я, – так и есть. Просто заскочил в гости с выпивкой.

Старшина и остальные хохотали вокруг нас как помешанные.

– погоди, ты вообще с кем тут? – спросил Рик, все еще не веря и таращась на меня, как на призрака.

– С кем? Да ни с кем, сам по себе. Теперь вот с тобой!

Тут старшина на минуту посерьезнел:

– Так, Дагган! Валите-ка оба отсюда, нечего тут околачи-

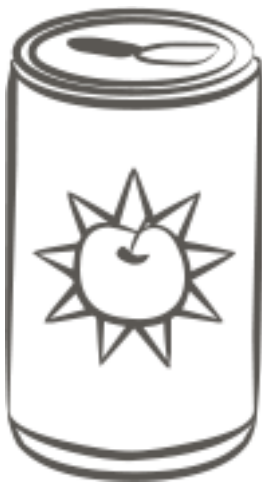
ваться.

– И что мне с ним делать, сэр?!

– А мне почем знать? Он же твой приятель! Забирай его
– и марш обратно в дозор!

Глава 11

Погоди-ка, ты тут быть не обязан, но все же ты здесь?!

Рик оглядел меня и сказал:

– Накинь-ка мою плащ-палатку. Разгуливать тут в этом твоём наряде – все равно что бегать с плакатом «Здрасьте, я из Нью-Йорка, пристрелите меня».

Этот Рик выглядел возмужавшим по сравнению с тем, которого я запомнил, – неудивительно, ведь у него за плеча-

ми уже пара дюжин вылазок и засад. Дома у него хватало связей, чтобы получить какую-нибудь канцелярскую должность, вместо того чтобы торчать в окопах на передовой. Но он ими не воспользовался.

Сгустились сумерки. Я вертел головой в поисках хоть какого-нибудь домишки – вокруг не было ничего. Куда мы шагаем и что нас ждет? Мы покинули периметр. Начертите в воображении большой круг, внутри которого ночует почти вся рота. Ярдах в двухстах по всей границе – дозорные патрули, дюжина или больше ребят, которые не смыкают глаз до рассвета, чтобы враг, задумай он напасть, нарвался вначале на них.

Когда мы добрались до переднего края, один из тех, кто сидел в засаде, ошеломленно спросил у Даггана:

– Это еще что за хрен с горы?

– Веришь или нет, просто мой сосед по улице. Приехал навестить.

Они посмотрели друг на друга, затем на меня, потом кто-то сказал:

– Погоди-ка, дядя. Я не понял. Хочешь сказать, ты здесь быть не обязан, но все равно приперся?!

– Имеешь в виду, не сбежал ли он часом из психушки? – ответил за меня Рик. – Расслабься, парень приехал, чтобы нас поддержать и все такое.

Снова игра в гляделки.

– Что гораздо лучше, – добавил Рик, – он притаранил нам

пивка.

– Ура! – раздался хор веселых голосов.

– Хорошие новости, ага. А плохие – что ни один из вас не притронется к банке, пока мы в засаде. И это приказ!

Впрочем, они приняли это без возражений.

Меня сразу же закидали вопросами. Что дома? Правду ли говорят, что Винс Ломбарди⁴⁵ бросает карьеру футбольного тренера? Укоротились ли юбки у девчонок? Будет ли еще одно «Лето любви» в этом году? Как там насчет беспорядков и протестуют ли по-прежнему? Вышел ли уже новый альбом Airplane?⁴⁶ У всех ли уже дома цветные телевизоры? Довелось ли мне водить «Мустанг»?⁴⁷ И главное: когда закончится война?

Я отвечал им как мог.

⁴⁵ Винсент Томас Ломбарди (1913–1970) – американский футболист и тренер. Наиболее известен в качестве главного тренера «Грин-Бей Пэкерс» в 1960-х гг., когда под его руководством команда пять раз за семь лет побеждала в Национальной футбольной лиге. Вошел в Зал славы футбола в 1971 г. как один за самых успешных тренеров за всю историю. – *Прим. пер.*

⁴⁶ Jefferson Airplane – американская рок-группа из Сан-Франциско, пионеры психоделического рока, одна из культовых групп эпохи хиппи, выступавшая на трех самых известных американских рок-фестивалях 1960-х гг. – в Монтерее (1967), на Вудстоке (1969) и Альтамонте (1969). Речь, скорее всего, идет о третьем студийном альбоме *After Bathing at Baxter's*, который вышел в ноябре 1967-го. – *Прим. пер.*

⁴⁷ Первое поколение автомобилей Ford Mustang сошло с конвейера за несколько лет до описываемых событий, в 1962–1964 гг. В 1967-м как раз появилась улучшенная модель с сильно измененным дизайном кузова и более мощным двигателем. – *Прим. пер.*

Разговоров хватило на всю ночь. Ребята тоже рассказывали нам с Риком истории из родных мест. Обо всем подряд: от двухголовых овечек до акул, что отгрызают куски от досок для серфинга, или тачек с низким клиренсом. А мы, в свою очередь, болтали о родном Нью-Йорке.

– Эй, а правду говорит сержант Дагган, что у вас там был мужик, который заехал на своем «Фольксвагене» в бар и потом выехал через боковые двери?

– Ну, на самом деле в бар-ресторан, но да – точно. Старина Пит Макги, а дело было в «Бикфордс»⁴⁸. У них там такие крутящиеся двойные двери по обе стороны. Так он, значит, заехал за завтраком навынос.

– А то, что вы с сержантом ныряли с девяностофутового обрыва в какую-то городскую речку, и надо было быстро доплыть до берега, чтобы не попасть в сливной поток с дерьмом?

– Ручей Спьютен Дуйвил, ага.

– Вау! – сказал кто-то из мальчишек. – Сержант Дагган, мы, при всем уважении, не особо-то верили в эти ваши байки. Но уж тепе-ерь...

Я подумал: странно – на несколько минут мы все забыли, где находимся и что вокруг нас война. И почувствовал, что смертельно устал.

– Где бы мне поспать?

– В окопе, где еще... Хочешь – со мной, хочешь – с ним, –

⁴⁸ Сеть семейных ресторанов в США. – *Прим. пер.*

указал Рик на одного из парней. – Тут у нас без удобств, на земле.

Мальчишки разбились по парам и тоже попрыгали в окопы. У кого-то нашелся для меня надувной матрас, а другой парень, из Детройта, сунул мне пистолет 45-го калибра.

– Зачем он мне?

– Ну, если всерьез попрут, будет хоть шанс завалить врага. Или себя – это уж тебе решать.

Ага, спасибо! Мне решать. Я вернул ему пушку. Я уже четыре года как снял форму и больше боялся подстрелить кого-нибудь из них. Со мной такое уже случалось, когда мы с Фокси Мораном были подростками и палили шутки ради из ружья в парке. Никому не пожелаешь.

Этот разговор тем не менее вернул меня в реальность, и, пока они между собой решали, кому дежурить в ближайшие пару часов, а кому спать, я вообще не мог сомкнуть глаз. Рику выпало отдыхать, и я спросил его:

– Как тут вообще на хрен можно уснуть?

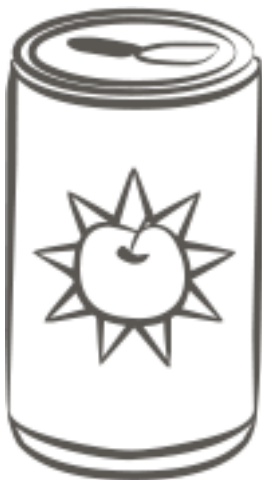
– Ну, когда твоя очередь, ты просто спишь – и точка. Встал в семь, потом топаешь восемь миль по гребаным джунглям, потом роешь себе окоп, и когда приходит ночь – спишь как миленький. Нужно давать себе отдых. Потому что тут между тобой и врагом нет ничего, кроме mosquitos. И пиявок. И дождя.

Остальные захихикали, но через пару минут Рик действительно дрых без задних ног. Я же моргал и таращился в тем-

ноту, как сова.

Глава 12

Огонь во тьме

Где-то в середине ночи один из парней подполз к Рику и потряс его за плечо, шепча:

– Сержант Дагган! Сержант! Где прицел «Старлайт»?

Это был ночной прицел, который усиливал лунный и звездный свет и даже тусклое мерцание неба в тридцать тысяч раз. Жутко дорогой – думаю, каждый обходился войскам в пару тысяч долларов и поэтому на отделение в лучшем случае приходился в единственном экземпляре. Рик что-то про-

бормотал, но парень настойчиво шептал ему:

– Сержант Дагган, просыпайтесь. Нам нужен «Старлайт»!

– Вечно вам что-то мерещится, – сонно откликнулся Рик, поворачиваясь на другой бок. – Дай-мн-пс-спт...

– Да вы поймите, сэр! – уже почти в полной голос убеждал солдат. – У нас тут движение по периметру!

Рик встрепенулся, как по щелчку, и мгновенно извлек откуда-то прицел. Парень повесил его себе на плечо – чересчур громоздкая штука, чтобы сержант сам таскался с ним туда-сюда, – и принялся изучать джунгли через объектив.

Дагган прошептал мне:

– Северовьетнамцы, понимаешь, зашевелились. Там где-то.

Он вроде как пытался ободрить меня: типа без проблем, ерунда какая, такое тут каждую ночь.

– Скорее всего, они просто проползут себе мимо. Но если атакуют и мы начнем отступать, то вихляй отсюда, – он ткнул пальцем в темноту за нашими спинами. – Вихляй в том направлении. Не волнуйся, я тебе скажу, если что. Да, и возьми-ка вот это.

С этими словами он вручил мне М79, ручной гранатомет – единственное, что сейчас было у него под рукой, кроме винтовки. Итак, северовьетнамцы или проходят мимо, или, что хуже, идут прямо на нас. Хорошенькое дело! Кого-кого, а этих ребят в моем пивном списке точно не было. Я еще раз задумался, не сглупил ли, вообще подписавшись на все это.

Парень с прицелом сосредоточился на том участке джунглей, где, как ему казалось, он видел движение.

– Да, это они, – подтвердил он.

Рик велел радисту связаться с тылом и запросить освещение.

Не прошло и минуты – бабах, вж-ж-ж-ж-ж! Мы услышали, как минометы выплюнули в небо осветительные снаряды. Но вместо того чтобы пролететь над нашим окопом и залить светом джунгли впереди, один из них упал прямо рядом с нами. Бум! Спасибо, Господи, что хоть не взорвался и не выдал наше расположение.

Следующий сработал как положено, разгоревшись ярким факелом над верхушками деревьев. В его свете мы разглядели минимум четырех вражеских солдат в плоских тропических шлемах на самом краю рощи.

– Ага, вот и они, – сказал Рик.

Северовьетнамцы открыли автоматный огонь, наши ответили. Я вжался в землю в своем окопе и внутренне приготовился бежать в тыл через поле, как заяц. Перестрелка все не прекращалась.

Наконец воцарилась тишина. Парень со «Старлайтом» еще раз оглядел через него опушку:

– Движения нет.

– Ты как, приятель? – заботливо спросил меня Рик.

– Да вроде ничего. Спасибо.

Но, должен сознаться, меня хорошо так потряхивало.

Остаток ночи все провели без сна, на ногах, молясь, я думаю, о рассвете. Который и пришел в свой час. Тогда Рик поднял отделение и прочесал опушку, держа на прицеле каждый куст. Через какое-то время они вернулись к окопам, чтобы подобрать меня. Не знаю, что они там нашли, в джунглях, но назад, в расположение роты, мы шли молча. Ребята просто шагали, погруженные в себя. Без драм и лишних разговоров. Они уже навидались тут всякого, а Рик, пожалуй, больше всех. За месяц до этого он попал в окружение в Центральном нагорье, бой длился шесть дней, и драться пришлось с целым полком. У врага были русские и китайские автоматы, частота стрельбы – тысяча выстрелов в минуту. Рота Даггана из сотни человек потеряла двадцать пять, включая командира его взвода. Он и сам получил осколочное ранение, которое залечил, не вылезая из окопов. А вскоре ему с парнями предстояло идти еще дальше – на реку Бан-Хай, что прямо у границы с Северным Вьетнамом.

Я пытался держать хвост пистолетом и спросил как ни в чем ни бывало:

– Ну, что у нас на завтрак?

Увы, это был всего лишь полевой рацион: одна банка бобов и другая – фрикаделек. Еще мне вручили открывашку Р-38, которую называли так потому, что требовалось ровно 38 оборотов, чтобы вскрыть эти консервы. Рик поделился со мной кружкой и пакетиком растворимого кофе. Просто добавь воды, ага. Отличный завтрак. По-вьетнамски.

Пока я жевал, меня облаяла пара собак – немецкая овчарка и доberman. Псы во Вьетнаме никогда не давали мне прохода, но я на них не злился. Их ведь натаскивали на чужаков, а я таким и был.

Рюкзак Рика весил, должно быть, уже фунтов 60, но он все равно таскал с собой все письма, написанные ему матерью и бабушкой, и каждый выпуск «Инвудского вестника», который ежемесячно рассылали всем нашим ребятам семь соседских девушек. Там было все о доме: кто с кем обручился, какая команда по софтболу заняла первое место, поэмы типа «Я люблю солдата», местные конкурсы ресторанных вывесок или сочинений на такие темы, как «Все дороги ведут в Инвуд». Плюс разные новости – вроде того, что наш квартал выставил аж шестьсот человек на ежегодный первомайский парад в честь Дня верности на Пятой авеню. Пробежав глазами один выпуск, я увидел, что и Полковник тут как тут, причем себе он явно не изменяет. Если верить сопроводительному письму, он честно хотел послать каждому по бутылке скотча, да вот беда – те не влезли в конверты. Поэтому что он делает? Правильно, вымачивает в виски десятки картонных подставок под пиво и рассылает их с инструкциями «прикладывать к языку каждые два часа».

За ограждениями мне стало попадаться все больше офицеров. То и дело приходилось останавливаться и объяснять им, какого черта я тут делаю. Я, как обычно, честно говорил, что просто привез соседским мальчишкам пиво, а они бро-

сали на меня сердитые взгляды и отмахивались: «Ага, конечно!» И шагали себе дальше: еще один агент под прикрытием вертится на передовой, большая новость! Им сейчас было явно не до того, чтобы теревить Сайгон и проверять каждого встречного. Они объявили бойцам, что роту перебрасывают в долину Ашау, в провинцию Тхыатхьен-Хюэ в Южном Вьетнаме. Это стратегический пункт на самой границе с Лаосом. Там, рядом, пролегает Тропа Хо Ши Мина⁴⁹, по которой в страну контрабандой перебрасывают артиллерию и боеприпасы для Вьетконга. С севера на юг, отделяя одну страну от другой, тянется 1300-километровая горная гряда. Граница – хуже чем рыхлая. Как и та, что на юге, с Камбоджей.

Наши войска не забирались в Ашау с 1966-го, когда 4 батальона северян, по меньшей мере две тысячи солдат, окружили и уничтожили лагерь спецназа, весь гарнизон которого состоял из семнадцати зеленых беретов, пары сотен южновьетнамских добровольцев и горстки монтаньяр. Пятеро спецназовцев в тот день погибли и двенадцать были ранены, включая будущего кавалера медали Почета старшину Бенни Эдкинса, которому в какой-то чертов момент пришлось ве-

⁴⁹ Тропа Хо Ши Мина – американское название всей совокупности сухопутных и водных транспортных путей на территории Лаоса и Камбоджи, которые во время войны во Вьетнаме использовались Демократической Республикой Вьетнам для переброски военных материалов и войск в Южный Вьетнам. В самом Северном Вьетнаме ее называли «тропой Чыонгшон» – по названию горного хребта, который тянется по западной границе страны с севера на юг.

сти бой чуть ли не в одиночку, прикрывая нашу эвакуацию⁵⁰. То еще местечко!

Рик и его отделение восприняли эту новость безо всякого нытья. Ребята просто закинули на плечи свои М16 и отправились в очередной патруль. И меня с собой прихватили. Мы прошагали не одну тропинку, но никого, слава богу, не встретили. Тут и там вставали холмы, украшенные каскадами рисовых полей переливчатого ярко-зеленого оттенка. Я сказал Даггану, что эта страна похожа на Ирландию. Было уже жарко, и мы встали на минуту под каким-то деревом, чтобы напиться из фляг. Я нашел поблизости камень и собирался уже присесть, как Рик крикнул мне:

– Не-не, Чики! Не вздумай! Это засохшее слоновье дерьмо.

Оказывается, полуголодные солдаты северян таскают свою артиллерию на слонах, как воины Ганнибала две тысячи лет назад, да еще умудряются и нас при этом поколачивать. Вот с какими людьми мы воюем. Впоследствии и Макнамара⁵¹, да и сам президент Джонсон пришли к точно та-

⁵⁰ Описанный случай полностью соответствует действительности. Бенни Джин Эдкинс (1934–2020) – сержант армии США, удостоился высочайшей американской награды, медали Почета, за свои действия во время Вьетнамской войны. В марте 1966 г. Эдкинс отличился в ходе 38-часового боя, переходившего в рукопашную, с силами северовьетнамской армии во время битвы за лагерь специальных сил Ашау. Прикрывая отступление, Эдкинс вел огонь из миномета и автоматического оружия, несколько раз делая вылазки за боеприпасами под непрерывным огнем противника. Получил в общей сложности 18 ранений. – *Прим. пер.*

⁵¹ Роберт Стрэйндж Макнамара (1916–2009) – американский предпринима-

ким же выводам, у себя в Белом доме – за месяц до того, как первый подал в отставку, а второй отказался переизбираться на новый срок⁵². Они-то ушли. А мы остались.

Как я и сказал выше, мы никого не встретили в этом патруле, так что без приключений вернулись в расположение роты. Рик отправился к начальству с рапортом, а я остался рядом с радистом, который таскал с собой чертову уйму аппаратуры для радиоперехвата. В отделении был еще штатный переводчик, американец вьетнамского происхождения. К нам подошел молодой солдатик, устроился рядом и тоже принялся слушать разноголосицу на чужом языке:

тель и политик-республиканец, министр обороны США в 1961–1968 гг. (при Джоне Кеннеди и Линдоне Джонсоне). Один из архитекторов войны во Вьетнаме. Положение Макнамары становилось все более спорным после 1966 г., и его разногласия с президентом и Объединенным комитетом начальников штабов из-за стратегии во Вьетнаме стали предметом общественных спекуляций. В 1968-м покинул пост министра обороны, заняв должность президента Всемирного банка. Макнамаре принадлежит идея снижения интеллектуальных требований к призывникам (общая грамотность, IQ) на фоне необходимости увеличения контингента войск во Вьетнаме. В результате применительно к некоторым новобранцам появилось устойчивое выражение «Придурки Макнамары», завуалированной отсылкой к чему, вероятно, является следующий далее эпизод с радиоперехватом. – *Прим. пер.*

⁵² Линдон Бэйнс Джонсон, став согласно Конституции 36-м президентом США после убийства Дж. Ф. Кеннеди, отказался избираться на очередной срок в 1968 г. в связи со своей низкой популярностью, фактически открыв дорогу республиканцу Ричарду Никсону. На годы президентства Джонсона пришлось первое радикальное увеличение контингента американских войск во Вьетнаме и интенсификация боевых действий. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.